

АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Издательство
1984

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ХАБАРОВСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА
ХАБАРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ХАБАРОВСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ХАБАРОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
7 - 8 АПРЕЛЯ 1984 г.

Тезисы докладов и сообщений

Хабаровск, 1984

Р е д к о л л е г и я

С.А.ПАЙЧАДЗЕ (председатель)

А.А.ПОНОМАРЕВА

Т.И.САДОХИНА (зам. председателя)

И.И.СВЕТАЧЕВ

В.С.ШЕВЧЕНКО (ответственный редактор)

Ю.А.ШЕСТАКОВА

Арсеньевские чтения

(тезисы конференции)

Подписано к печати 16.Ш.1984. ВЛ 05237.

Заказ № 622 Объем 5,2. Тираж 1000 экз. Типография № 1
краевого управления издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые в Хабаровске Арсеньевские чтения открываются в дни, когда в жизни страны все явственнее сдвиги, вызванные решениями XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, когда мы все глубже осознаем связь между курсом на интенсификацию общесоюзной экономики, принятым XXVI съездом КПСС, и ускорением темпов хозяйственного, социального и культурного развития Сибири и Дальнего Востока. Сегодня для нас еще более очевидна взаимозависимость экономических, социальных и духовных процессов в обществе развитого социализма, роль непреходящих ценностей отечественной и мировой культуры в формировании духовного облика активного строителя коммунизма.

И в первом ряду советских ученых и писателей, творческое наследие которых прочно вошло в нашу жизнь, — В.К.Арсеньев, выдающийся исследователь советского Дальнего Востока первой трети XX в., один из лучших представителей школы Н.М.Пржевальского в русской географии. Бесспорно существование арсеньевских традиций в науке и литературе, а также в краеведении, музейном деле и педагогике региона, но в должной ли мере оценено их значение для современности? Относясь с уважением и признательностью к Арсеньеву-писателю, ясно ли мы представляем масштаб его участия в решении больших народнохозяйственных, социальных и научных проблем восстановительного периода, а затем и социалистической реконструкции в крае?

"Богатая, изобильная в буквальном смысле этого слова дарами земными Дальневосточная область может с полным правом именовать себя стражем будущего, — писал Владимир Клавдиевич 20 ноября 1924 г. — Здесь возможна, благодаря обилию металлов, минералов, каменного угля, лесов, богатой фауны и даров моря, широкая индустрия, прямо неслыханная в Европе".

Этот оптимизм, основанный на целом комплексе фундаментальных знаний, — тоже арсеньевская традиция. И понятие он определяет духовный облик дальневосточников, прокладывавших первые тропы в тайге, — геологов, изыскателей, геодезистов, биологов, строителей железных дорог... И еще об одной арсеньевской традиции сегодня уместно напомнить. Это высокая политическая бдительность знаменитого путешественника. Именно он, уже широко известный в СССР и за рубежом ученый и писатель, уличил в клевете бывшего члена Общества изучения Амурского края А.М.Оссеидовского, в 20-е годы объявившегося в Германии. Ренегат Оссеидовский, с негодованием писал В.К.Арсеньев, "... всячески поносит Россию, в частности Советскую власть. Надо такого рода "энатоков" Дальнего Востока выводить на чистую воду, ибо своими статьями они, с одной стороны, вводят науку в заблуждение, с другой — дают иностранцам превратное понятие о Дальнем Востоке и подрывают авторитет Правительства".

Все эти стороны мировоззрения и практической деятельности В.К.Арсеньева заслуживают более полного раскрытия, равно как и его участие в подготовке Первой конференции по изучению производительных сил советского Дальнего Востока, изысканиях трасс железных дорог между Хабаровском и Совгаванью и на Нижнем Амуре,

а также в решении переселенческого и национального вопросов в крае. Если определенные сдвиги в изучении деятельности В.К. Арсеньева как писателя, археолога и этнографа уже имеют место (и об этом, в частности, свидетельствует настоящий сборник тезисов докладов и сообщений на Арсеньевских чтениях), то выявление его вклада в географические, биологические и экономические науки — дело будущего. В сущности, впервые (и именно на хабаровских Арсеньевских чтениях) поднимается вопрос о роли В.К. Арсеньева в развитии дальневосточного музееведения, и первые обобщения научных сотрудников Хабаровского и Приморского краеведческого музеев убеждают, сколь плодотворно и актуально добросовестное исследование этой темы.

Но какие бы аспекты многогранной научной, литературной и общественной деятельности В.К. Арсеньева ни затрагивались участниками чтений — московскими, ленинградскими и дальневосточными археологами, историками, этнографами, краеведами, литературоведами и книговедами, их рекомендации проникнуты удивительным единодушием: на современном этапе развития советского общества крайне важно активизировать изучение творческого наследия В.К. Арсеньева; уже в ближайшее время необходимо начать подготовку к изданию собрания сочинений выдающегося дальневосточного ученого и писателя, а перед этим опубликовать его обширную переписку, экспедиционные дневники и другие материалы; подготовить и издать библиографические справочники и указатели, призванные помочь советской молодежи в изучении книг В.К. Арсеньева и литературы о нем.

Регулярные Арсеньевские чтения, которые будут проводиться в Хабаровске через каждые три года, должны способствовать решению этих и других неотложных научно-практических задач.

В.С. ШЕВЧЕНКО, действительный член
Географического общества СССР

Ю.В.Маретин, к.и.н.
 Гос.публ.б-ка им.
 М.Е.Салтыкова-Щедрина
 (Ленинград)

**УЧЕНЫЙ-ПАТРИОТ В.К.АРСЕНЬЕВ:
 ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТРУДОВ**

Среди имен выдающихся первопроходцев и исследователей, которым наша страна обязана разносторонним изучением Дальнего Востока, а тем самым и упрочением своих позиций на Тихоокеанском побережье, одно из первых мест по праву принадлежит В.К. Арсеньеву — Арсеньеву-Уссурийскому, как иногда его называли. В настоящее время совершенно очевидно, что в его лице мы имеем не только неутомимого и самоотверженного путешественника и исследователя Дальнего Востока, не только большого ученого, открывшего для мировой науки неведомые страницы географии и этнографии этой обширной части Советского Союза, не только преданного друга малых народов Приамурья и Приморья, но и честнейшего патриота своей Родины, убежденного гуманиста, человека высокоэтического мировоззрения.

Необходимо отметить тех советских ученых и литераторов, ушедших и здравствующих ныне, благодаря дружным усилиям которых мы можем лучше познакомиться с трудами Арсеньева, глубже и шире представить его как личность. Это М.К.Азадовский, А.И.Алексеев, Ф.Ф.Аристов, Т.Ф.Аристова, (С.И.Федия), А.И.Тарасова (Васина), Н.Е.Кабанов, И.С.Кузьмичев, Г.Г.Пермяков, Е.Д.Петряев, В.Г.Пузырев, Л.И. и Ю.А.Сем и др. Помимо них, многие ученые и писатели посвятили свои изыскания отдельным сторонам жизни

и трудов В.К.Арсеньева. Особое значение имеют свидетельства современников – тех, с кем он работал, переписывался, у кого учился и кого учил сам. Дальнейший объективный и тщательный анализ этих материалов позволит ярче представить масштаб личности В.К.Арсеньева.

Одна из наиболее фундаментальных проблем, которую предстоит решить окончательно в свете имеющихся теперь данных, – это проблема исторической преемственности и значения В.К.Арсеньева как связующего звена между старой русской научной школой и сформировавшейся на рубеже начала 20-х годов XX в. новой советской школой изучения Дальнего Востока. Вопрос о соотношении прежних задач и методов с новыми, поставленными социалистической революцией и социалистическим строительством, о связи положительных традиций с диалектически вытекающими из развития страны и общества инновациями – это и важный методологический вопрос, которому в той или иной степени подчинены другие проблемы, рассматриваемые далее.

Перед специалистами стоит задача: создать полную и тщательно выверенную биографию Арсеньева. О необходимости ее решения говорят такие факты, как сохранявшиеся в течение десятилетий неточности в датах приезда его на Дальний Восток, первой встречи с Дерсу Узала (расхождения соответственно в год и четыре года) и др. Лишь недавние усилия А.И.Тарасовой, Л.И. и Ю.А. Сем и др. позволили уточнить эти даты. Но остаются еще значительные периоды жизни ученого и путешественника, о которых мы знаем мало или почти ничего не знаем. Итак, говоря словами Е.Д.Петряева, еще предстоит "написать летопись жизни и творче-

ства В.К.Арсеньева", хотя, как отметил И.С.Кузьмичев, "исследователя, который возьмется ее написать, ждут немалые трудности".

Столь же важно проследить творческую биографию Арсеньева и, наконец, составить полный список его работ — опубликованных, сохранившихся в рукописи и не сохранившихся, — с учетом времени и места их публикации, разночтений и вариантов. Арсеньев решал поставленные перед ним задачи, равно как и те, которые он ставил перед собой сам, постепенно расширяя круг проблем и углубляя источниковедческую базу: от топографии и геологии через географию народонаселения и этнографию к высотам психологического проникновения в особенности склада мышления, чувств, образа жизни коренного населения, что нашло отражение в высокохудожественном образе Дерсу Узала. Арсеньев мог бы сказать о себе словами поэта: "Во всем мне хочется дойти до самой сути..."

Сложность этой задачи не столько в составлении выверенного перечня работ (хотя здесь есть и непреодолимые трудности), сколько в показе многосторонности его интересов и занятий через их взаимозависимость и взаимопереход, что важно как для более точной характеристики самого В.К.Арсеньева, так и для теоретического изучения психологии творчества ученого, неустанно добравшегося "до оснований, до корней, до середины" в поисках всеобщих связей в природе, истории, этнографии. Целые разделы его научных исканий еще ждут своего исследования: Арсеньев и география, Арсеньев и история и т.д., — подобного недавно опубликованным работам В.Г.Пузырева и И.С.Кузьмичева об Арсеньеве-писателе.

Арсеньев и музейное дело — еще одна блестящая сторона его деятельности. Арсеньев — один! — действовал как целое этнографическое учреждение и работал на несколько этногра-

фических учреждений: в Хабаровске, Владивостоке, Петербурге-Петрограде-Ленинграде, Москве. Для личности его чрезвычайно характерно, что он дарил собранные им предметы культуры, быта, истории. "Музеи - дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно", - писал он Л.Я.Штернбергу в 1913 г. Пока же мы не имеем полного сводного (и достоверного!) реестра собранного В.К.Арсеньевым с указанием, что из спасенного им для науки сохранилось и где находится. О значимости такого реестра для этнографии малых народов Приамурья говорить нет нужды.

Чем бы ни занимался Арсеньев, он всегда оставался патриотом и гуманистом. Для биографов Арсеньева здесь непочатый край работы. Его патриотизм был глубоким, всесторонним и всегда действенным. Свидетельство тому - неутомимая работа для блага Родины, постоянное стремление помочь местному населению, желание поставить на службу народу щедрую природу Дальнего Востока, одновременно всячески оберегая ее.

Особая проблема - изучение общегуманистического мировоззрения ученого и постепенно выработанного им подхода к окружающей среде, который мы бы назвали экологическим. Именно общегуманистические установки привели его от неутолимой жажды географических познаний к столь же страстному желанию постичь людей, населяющих эти земли, к взгляду на природу как на вечно обновляющийся живой организм, который надо знать, ценить и беречь.

Следовательно, необходимо раскрывать личность В.К.Арсеньева во всех ее особенностях, в становлении и развитии, в мировоззренческой целостности - так, как ощущали его М.К.Азадовский, И.М.Пришвин, В.Г.Лидин, так, как мы воспринимаем теперь

Н.Н.Миклухо-Маклая или Альберта Швейцера. Авторитет Арсеньева-путешественника неотделим от его имени писателя, подкрепляется авторитетом Арсеньева-ученого, а все это сливается в одном – в авторитете личности Арсеньева как гуманиста и патриота, на долю которого, по словам В.Г.Лидина, "выпало великое счастье сделать наш мир богаче". И именно на советском Дальнем Востоке – от Хабаровска до Владивостока и далее – это воздействие В.К.Арсеньева особенно ощутимо.

А.А.Пономарева
Хабаровский краеведческий
музей

В.К.АРСЕНЬЕВ – ДИРЕКТОР ХАБАРОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1984 г. исполняется 90 лет со дня основания Приамурского филиала Русского Географического общества и его детища – Хабаровского краеведческого музея. В.К.Арсеньев принимал самое непосредственное участие в деятельности этих научно-общественных организаций, в конце XIX – начале XX в. направлявших многие важные исследования русского Дальнего Востока.

Первый период работы Владимира Клавдиевича в музее приходится на 1910–1918 гг. Он был избран директором музея общим собранием Приамурского отдела Русского Географического общества, имея уже большой опыт экспедиционных исследований. Деятельность на посту директора музея способствовала значительному расшире-

нию его научного кругозора. Именно в эти годы В.К.Арсеньев создает свои наиболее значительные научные и научно-художественные труды.

С увлечением постигая новое для себя дело, он определяет основные направления в комплектовании фондов, сам активно участвует в сборе коллекций, значительно расширяет контакты Хабаровского краеведческого музея с ведущими музеями и академическими учреждениями страны и видными исследователями. Несмотря на препятствия, чинимые администрацией Примурского генерал-губернаторства, музей становится не только хранилищем ценных коллекций, но и учреждением, активно влияющим на изучение края и его освоение.

В 1924-1925 гг., вскоре после восстановления Советской власти на Дальнем Востоке, В.К.Арсеньев снова занимает должность директора Хабаровского краеведческого музея. Он сообщал в одном из писем: "Я прибыл в город Хабаровск, куда был приглашен для приведения в порядок музея, пострадавшего во время гражданской войны и интервенции".

Вместе с ним трудятся зоолог А.И.Кардаков и этнограф Н.А.Серк, таксидермист-иркутянин Г.Е.Сольский. Большая работа по описанию коллекций под контролем В.К.Арсеньева была проделана ученым секретарем С.Я.Сизых.

В многогранном наследии В.К.Арсеньева трудно выделить строго ограниченный музееведческий аспект. Сам он видел свою заслугу лишь в "разработке коллекций из складов" и в приведении их в порядок". Однако, с точки зрения современной науки, мы вправе говорить о следующих направлениях в деятельности Арсеньева-музееведа:

II

1. Научное комплектование фондов. В.К.Арсеньевым собраны многочисленные археологические и этнографические коллекции, хранящиеся в Хабаровском и Приморском краеведческих музеях. Кроме того, скомплектован фонд фотографий с Хабаровской выставки 1913 г. и фотографий к Первой конференции по изучению производительных сил советского Дальнего Востока (1926).

Сохранились записки, письма Владимира Клавдиевича с указанием на необходимость сбора филолистических, археологических и других коллекций. Им же написано письмо-обращение о представлении в музей ценных предметов.

2. Научное описание коллекций. В.К.Арсеньев – автор сводного и археологического (не сохранился) каталогов. Им были систематизированы все материалы с научными данными об экспонатах, поступивших в музей, а также составлена первая инвентарная книга. Полевая документация Арсеньева отличается исключительной полнотой и может служить эталоном научной обработки коллекций.

3. Просветительная работа. В.К.Арсеньев часто выступал с чтением публичных лекций, сам проводил экскурсии по залам музея. Он ввел кружковую форму занятий для сотрудников, им был издан плакат, посвященный музею.

Росту известности музея способствовали и многочисленные научные и научно-художественные труды его директора.

Все это дает нам основание считать В.К.Арсеньева основоположником научного музееведения на советском Дальнем Востоке.

И.Н.Клименко
Приморский краеведческий
музей имени В.К.Арсеньева

В.К.АРСЕНЬЕВ В ПРИМОРСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Как известно, В.К.Арсеньев прибыл во Владивосток в 1900 г. С этого момента начинается его неутомимая деятельность по все-стороннему исследованию Приморья и Приамурья.

Уже спустя несколько лет, в годы русско-японской войны, молодой офицер командует отрядом конных разведчиков. Как свидетельствует удостоверение, выданное штабом 8-й Восточносибирской дивизии и ныне хранящееся в Приморском краеведческом музее имени В.К.Арсеньева, выполненные им рекогносцировки отличались полнотой и аккуратностью. Штабс-капитан Арсеньев доказал, что он вполне подготовлен к самостоятельным исследованиям.

Вскоре после переезда в Хабаровск, в 1906 г. под руководством В.К.Арсеньева была совершена большая экспедиция в южные районы Сихотэ-Алиня. В 1907 г. исследовался Центральный Сихотэ-Алинь, а летом 1908 г. началась самая продолжительная экспедиция по изучению Северного Сихотэ-Алиня.

Наш музей располагает уникальными документами, относящимися к этому периоду: подлинниками карт маршрутов 1906-1909 гг. (вычерчены В.К.Арсеньевым на тонкой бумаге - восковке черной тушью).

Карты предназначались для военного ведомства. Каждая из них представляет значительный научный интерес. Позднее, в 1955 г., управление гидрометеослужбы Владивостока передало эти карты музею. В свое время они были бесценным руководством не толь-

ко для штаба Приамурского военного округа, но и для сотрудников Переселенческого управления и Геологического комитета.

Примечательно, что еще задолго до окончания экспедиции 1908-1910 гг. Русское Географическое общество избрало В.К.Арсеньева своим действительным членом. Свидетельство Русского Географического общества, выданное в феврале 1909 г. и подписанное П.П.Семеновым-Тянь-Шанским, хранится в фондах Приморского краеведческого музея.

В фондах имеется и личная анкета, заполненная Владимиром Клавдиевичем для представления в Дальневосточный университет. Написана она от руки на трех листах черной тушью, датирована декабрем 1928 г.

В графе "Общественная деятельность" В.К.Арсеньев пишет: "С 1921-1924 гг. заведующий этнографическим отделом музея г. Владивостока". К сожалению, в архивах музея не сохранилось книги приказов за эти годы и нельзя определенно говорить, на каких условиях был принят Арсеньев, какое время он работал в музее. Об этом периоде его жизни напоминает полный список археологической коллекции со следами авторской правки. Представляют интерес также несколько других документов Владимира Клавдиевича.

Во-первых, это квитанция о получении им 100 рублей "на раскопки на п-ве Песчаном" от Общества изучения Амурского края. Далее, это карта-схема мыса Бринера, составленная В.К.Арсеньевым, и пояснительная записка к ней, "что 1921 г. августа 13 дня проводились археологические разведки на полуострове Янковского... и на перешейке, соединяющем м. Бринера с полуостровом Янковского".

Археологический материал, собранный Арсеньевым, хранится в музее и поныне привлекает внимание специалистов по древней истории Приморского края.

Как известно, в 1924–1925 гг. В.К.Арсеньев вновь был директором Хабаровского краеведческого музея, но уже в январе 1926 г. он возвращается во Владивосток. На этот раз окончательно. Музей хранит подлинник телеграммы В.К.Арсеньева: "Университет Пашкевичу Хабаровска необходимо срочно телеграфировать Ваше ходатайство перед председателем Дальревкома моем переводе Владивосток от 3/XI-25 г." и заверенный ответ, датированный тем же числом: "Хабаровск Дальревком Гамарнику Университет Географическое общество ходатайствуют переводе Арсеньева Владивосток для работы означенных учреждениях Пашкевич Владивосток".

Во Владивостоке В.К.Арсеньев продолжает педагогическую, литературную, общественную деятельность, ведет подготовку к новой экспедиции. Заведая корреспондентской частью в Географическом обществе, он тесно связан с музеем, вникает во все его проблемы. Судя по частично сохранившейся переписке, не ослабевает его интерес к дальневосточному краеведению. В анкете он отмечает, что основная его научная работа – это "краеведение с сильным этнографическим уклоном и археография, т.е. изучение памятников старины в крае".

Вот несколько отрывков из его писем, подтверждающих справедливость вышесказанного.

"... Был бы... благодарен Вам, если бы Вы... начертили мне схему той части Сихотэ-Алиня, которую Вы обрекогносцировали прошлым летом" (к В.Н.Козьминих от 20.II.1928).

"Присланная Вами печать представляет для нас большой инте-

рес" (к неизвестному Ивану Тимофеевичу от 24.IV.1929).

"Согласно имеющемуся закону... котел и оружие, найденные в пещере, послать в музей с подробным описанием " (к Продайводе от 26.II.1927).

"Был бы очень благодарен, если бы Вы могли начертить план тех земляных укреплений, которые были возведены в 1854-1855 гг. в заливе Константиновском... Еще имею к Вам просьбу: нельзя ли из старых ороцких могил добыть человеческие черепа, и еще лучше было бы собрать весь скелет" (к В.Н.Козьминих от 1930 г.).

Именно в этот период Владивостокским отделом Государственного Географического общества В.К.Арсеньеву было вручено удостоверение за № 228, свидетельствующее о том, что "20 февраля 1927 г. Владимир Клавдиевич Арсеньев избран пожизненным Почетным членом Общества".

Сразу же по завершении Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (весна 1926 г.) Арсеньев начинает подготовку к экспедиции Совгавань - Хабаровск. Он ведет обширную переписку, обговаривает маршрут экспедиции, ищет проводников. Музей располагает редкими документами, относящимися к этому времени.

Во-первых, это письмо профессора В.И.Савича (одного из предполагаемых сотрудников) от 3 февраля 1926 г., уведомляющего Арсеньева о своем согласии участвовать в экспедиции только в том случае, если сам Владимир Клавдиевич будет руководить ею.

Далее, это подлинник договора между проводником Федором Мулинка и В.К.Арсеньевым, несколько подлинных фотографий, сделанных во время путешествия 1927 г.

Наконец, назовем: путевой дневник экспедиции Советская га-

вань-Хабаровск. Вернее, это "Путевой дневник № 2" — так гласит надпись Арсеньева на титульном листе рукописи. Повествование в дневнике начинается с описания района Советской гавани, завершаясь описанием районов верхнего течения реки Мухен. Последние записи сделаны 12 сентября 1927 г. (как известно, экспедиция закончилась 1 октября 1927 г.).

По возвращении во Владивосток В.К.Арсеньев занялся обработкой материалов экспедиции. В письме В.Н.Козьминных от 20 марта 1928 г. он сообщал: "... В этом году никуда не пойду. Целый год я просижу дома, буду обрабатывать свои научные материалы и готовить к печати следующую книгу". Однако в этом же письме он приглашает В.Н.Козьминных принять участие в экспедиции 1929 г.

Смерть оборвала жизнь этого замечательного человека неожиданно, как бы во время восхождения к главной своей вершине.

Л.А.Кожевникова, к.пед.н.
Хабаровский институт культуры

В.К.АРСЕНЬЕВ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

В.К.Арсеньев внес значительный вклад в развитие народного хозяйства советского Дальнего Востока. Все многообразие теоретических и практических проблем, нашедших отражение в его творческом наследии, можно свести к нескольким группам:
— исследование проблем геологической изученности региона, раз-

- работка вопросов, связанных с добычей полезных ископаемых в специфических природных условиях Дальнего Востока;
- изучение климата, орографии, гидрографии, почв, флоры и фауны Приамурья и Приморья; изыскания наиболее удобного пути от Хабаровска к Советской гавани; борьба за разумное использование природных ресурсов края;
- изучение комплекса географических и этнографических проблем, истории заселения различных областей региона; разработка рекомендаций по усилению переселенческого движения в край; выступления в защиту малых народов Юга и Севера Дальнего Востока.

Результаты дореволюционных экспедиций В.К.Арсеньева нашли отражение в одном из наиболее значительных трудов того времени - "Кратком военно-географическом и военно-статистическом очерке Уссурийского края" (1912), а также в целом комплекте карт, приложенном к этому изданию.

Зимой 1917/18 г. В.К.Арсеньев предпринял экспедицию в горную область Ян-де-Янге, находящуюся на стыке нынешней Еврейской автономной области, Комсомольского и Верхнебуреинского районов. К сожалению, материалы ее не были опубликованы, если не считать очерки "Быгия-Быгинен" и "В тундре". Обе работы интересны в плане организации охотничьего промысла. Более детально эти вопросы рассматриваются в таких трудах В.К.Арсеньева, как "Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае" (1925), "Дельфиний промысел" (1925), "Тихоокеанский морж" (1927) и др.

Для советского периода деятельности В.К.Арсеньева характерна тесная связь с задачами восстановления народного хозяйства края, с осуществлением перспективных социально-экономических программ развития Дальнего Востока. Проведенные в 1918-1923 гг.

исследования природных ресурсов Камчатки, Гижигинского округа и Командорских островов позволили ему в 1924 г. представить в ВСНХ рекомендации по развитию рыбных промыслов в водах Камчатки. Тогда же им был поставлен вопрос о создании на Командорах заказника.

Большую практическую ценность имели также доклады В.К.Арсеньева на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (1926) и цикл его публикаций на экономические темы в журнале "Экономическая жизнь Дальнего Востока" (1925-1926).

Особое место в жизни и деятельности В.К.Арсеньева занимает экспедиция Совгавань-Хабаровск 1927 г. Целью ее были изыскания трассы для будущей железной дороги, а также изучение возможностей освоения районов Северного Сихотэ-Алиня. В 30-е-40-е годы, когда советские изыскатели развернули широкий фронт работ на участке БАМа Комсомольск-на-Амуре - Совгавань, оное актуальное значение приобрели рекомендации В.К.Арсеньева, высказанные им в статье "Пути от Хабаровска на Советскую гавань" (1925) и книге "Сквозь тайгу" (1930).

Следует отметить, что информация об истории экономического освоения советского Дальнего Востока содержится не только в статьях, очерках, монографиях и научно-художественных повествованиях В.К.Арсеньева, но и в его предисловиях, комментариях и примечаниях. Так, в предисловии к книге "В горах Сихотэ-Алиня" приводится подробная история исследований прибрежной полосы Уссурийского края со ссылками на литературные источники, что позволяет судить о творческой лаборатории ученого. Вызывает сожаление, что не все материалы из наследия В.К.Арсеньева увидели

свет. Да и само собрание его сочинений, впервые изданное в конце 40-х годов, уже в значительной степени устарело, можно сказать, давно стало библиографической редкостью. Для того, чтобы оценить подлинный вклад этого выдающегося ученого в развитие экономики и культуры советского Дальнего Востока, необходимо ввести в научный оборот его дневники, письма, черновые материалы, значительная часть которых до сих пор не опубликована. Несомненно, новое издание собрания сочинений В.К.Арсеньева явится событием огромного значения в духовной жизни всей нашей страны.

А.И.Тарасова, к.и.н.
Институт Дальнего Востока
АН СССР (Москва)

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В.К.АРСЕНЬЕВА

Личный архивный фонд В.К.Арсеньева был приобретен около 1938 г. Приморским филиалом Географического общества СССР у дочери путешественника Наталии Владимировны Арсеньевой (1920-1970) и хранился во Владивостоке в доме № 4 по ул. Первого Мая. Впервые фонд подвергся архивной обработке в 1972 г. Будучи в служебной командировке во Владивостоке, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР (Москва) А.И.Тарасова произвела по личной инициативе разборку, систематизацию и описание всех материалов этого фонда (наличие на апрель 1972 г.). После архивной обработки фонда появилась возможность дать характеристику объема и содержания его материалов.

Фонд В.К.Арсеньева представляет собой комплекс документальных материалов объемом 424 единицы хранения за период 1875-1972 гг. Все материалы распределены по пяти разделам и соответственно внесены в пять описей: 1. Научные труды, научно-художественные произведения и материалы к ним; 2. Материалы биографические и о деятельности; 3. Письма; 4. Иллюстративные материалы; 5. Материалы других лиц.

Самой ценной частью фонда несомненно являются материалы первого раздела, в особенности экспедиционные дневники за 1906-1927 гг., сохранившиеся довольно полно (27 ед.хр.). Дневники содержат огромное количество сведений энциклопедического характера за соответствующий период о природе и населении Дальнего Востока, об экономике, путях сообщения, об археологических памятниках, а также другую информацию. Кроме того, на страницах дневников нашли отражение событийная сторона путешествий В.К.Арсеньева, его философско-лирические раздумья, вызванные общением с природой, его гнев и возмущение по поводу хищнического использования природных богатств Дальнего Востока русскими и иностранными предпринимателями. Как правило, дневниковые записи сопровождаются картами, планами, рисунками, в большинстве случаев набросанными рукой В.К.Арсеньева.

Изучение путевых дневников приводит к выводу о том, что литературная обработка их была для автора сложнейшим процессом, потребовавшим от него немалого трудолюбия и незаурядного писательского таланта. Сравнение текста экспедиционных дневников с книгами "По Уссурийскому краю", "Дерсу Узала" и "В горах Сихотэ-Алиня", являющихся, по словам Владимира Клавдиевича, обработанными путевыми дневниками, показывает, что в книгах имеет место - правда, довольно редко - писательский вымысел, перестановка собы-

тий в их хронологической и "географической" последовательности. Пользоваться дневниками как достоверным биографическим источником следует с некоторой осторожностью, принимая во внимание их последующую переработку и дополнения, внесенные Арсеньевым в разные годы.

Из неопубликованных работ удалось обнаружить только отдельные статьи о населении Приморья, предназначавшиеся для служебного пользования, да одну статью по археологии края. Из широко известных произведений писателя сохранились рукописи только двух книг: "В горах Сихотэ-Алиня" и "Сквозь тайгу". Рукописи же других книг, насколько нам известно, хранятся: "В дебрях Уссурийского края" – у сына путешественника Владимира Владимировича Арсеньева (род. в 1900 г.) в Челябинске; "Дерсу Узала" – в архиве ДВНЦ АН СССР во Владивостоке.

Материалы биографические и о деятельности, включенные в опись № 2, позволяют уточнить отдельные факты биографии Арсеньева, полнее и ярче осветить некоторые стороны его деятельности. Здесь находятся автобиографические заметки, анкеты, списки опубликованных работ, документы о поездке в Японию осенью 1927 г., докладные записки и переписка по охране природы, организации научно-исследовательских работ на Дальнем Востоке.

Эпистолярное наследие В.К.Арсеньева сохранилось далеко не полностью – всего 111 ед.хр. за 1904–1928 гг. Но и эта незначительная часть его является ценным источником для изучения биографии путешественника, его научных и дружеских связей, а также для изучения истории науки на Дальнем Востоке. Среди корреспондентов В.К.Арсеньева – виднейшие ученые: Б.Ф.Адлер, М.К.Азадовский, Д.Н.Анучин, Ф.Ф.Аристов, Л.С.Берг, В.В.Богданов, А.А.Бор-

зов, Ф.К.Волков, Б.М.Житков, П.К.Козлов, В.Л.Комаров, Ф.Нансен, Г.Н.Потанин, А.И.Черский, Ю.М.Шокальский, Л.Я.Штернберг и многие другие. Сохранились письма писателей: А.М.Горького (фотокопии), М.М.Пришвина, Т.М.Борисова, Е.Н.Пермитина, Е.И.Титова, основателя журнала "Всемирный следопыт" В.А.Попова и др. Среди адресатов – В.В.Арсеньев, М.Н.Арсеньева, Н.К.Ауэрбах, А.А.Емелянов, А.А.Лобов, А.Н.Пельц и др. Представляют интерес также письма участника арсеньевских экспедиций П.М.Вихрова, врача Ф.А.Дербека и литератора И.И.Халтурина жене путешественника – М.Н.Арсеньевой.

В.К.Арсеньев придавал большое значение иллюстративным материалам и во время экспедиции вел фотографическую съемку. В фонде сохранился значительный по объему фотоматериал, в том числе негативы – всего 86 ед.хр. К сожалению, большинство экспедиционных снимков не имеют поясняющих надписей. Здесь же находится большое число групповых и индивидуальных снимков как самого Арсеньева, так и членов его семьи, участников экспедиций, друзей, знакомых. Большинство фотографий не публиковалось.

Последний раздел фонда составляют материалы других лиц, свидетельствующие об огромном интересе Арсеньева к истории исследований Сибири и Дальнего Востока (всего 40 ед.хр.). Среди них "Путевые записи" Г.И.Брониковского о поездке в Забайкалье в 1909 г.; фотоальбом этнографа И.А.Лопатина о его путешествии по Уссуре и Амуру в 1913 г.; фотокопии планшетов экспедиции полковника Л.А.Большева в заливы Пластун и Де-Кастри в 1874 г. и ряд других материалов.

Материалы фонда В.К.Арсеньева только еще начинают входить в научный оборот и, несомненно, привлекают к себе внимание мно-

гих специалистов и помогут им в решении научных и практических задач. В настоящее время фонд В.К.Арсеньева хранится в Архиве Географического общества СССР в Ленинграде, куда он был передан из Приморского филиала ГО СССР (согласно постановлениям ученого совета ЦГО от 11 мая и президиума ГО СССР от 29 мая 1979 г.).

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

В.И.Дьяков, к.и.н.

О.В.Дьякова, к.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

АРХЕОЛОГИЯ В ЖИЗНИ И В ТРУДАХ В.К.АРСЕНЬЕВА

Многогранное творчество В.К.Арсеньева, своеобразие его личности закономерно привлекали и привлекают внимание исследователей уже не одно десятилетие. В его богатейшем наследии особое место занимают этнография и археология, в которых В.К.Арсеньев видел ключ к пониманию древнейшей истории, к тайнам самобытной культуры аборигенов Дальнего Востока. На протяжении многих лет В.К.Арсеньев считал себя преимущественно этнографом и археологом.

Этнографическая деятельность В.К.Арсеньева изучена значительно лучше археологической. Ей посвящена специальная работа А.И.Тарасовой (Васиной), ряд статей и разделов в различных трудах. Археологии уделено несравненно меньшее внимание, и можно считать, что эта сторона исследовательской деятельности ученого не получила должного изучения и отражения в научной литературе.

Изучение опубликованных В.К.Арсеньевым работ по археологии, архивных документов, писем позволяет говорить о пяти аспектах его археологического творчества.

Теоретический аспект. Включает целенаправленное изучение трудов по археологии и истории первобытной культуры многих выдающихся представителей отечественной и зарубежной науки того времени: Ратцеля, Ранке, Харузина, Бушана, Леббока, Тэйлора,

Васильева, Обермайера и др. Личные встречи и переписку с русскими и иностранными специалистами. Особое место занимают собственная разработка и осмысление проблем археологии. Одним из таких опытов является брошюра "Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири", в которой ставится вопрос о возможности длительного сохранения палеолитических традиций в Северной Азии.

В.К.Арсеньев неоднократно возвращался к вопросу об археологической периодизации Дальнего Востока, разрабатывая ее на собственных материалах; размышлял он и о роли археологии в развитии науки и ее значении для будущего, о необходимости сохранения памятников старины (рукопись 1929 г.). В 20-х годах им разрабатываются специальные "Правила производства археологических работ", во многом не утратившие актуальность и в наши дни.

Практическая (полевая) археология. Именно на базе собирания древностей в первое десятилетие жизни в Приморье произошло становление Арсеньева-археолога. Уже в дневниках 1906-1907 гг. встречаются упоминания, описания и зарисовки отдельных предметов и сооружений, обнаруженных в горных долинах Сихотэ-Алиня. Во время экспедиции 1908-1910 гг. путешественник считает необходимым сочетать изучение древних памятников с раскопками небольшого масштаба (он их называет "летучими разведками"). Второй этап полевой археологической деятельности завершается в 1911 г. докладом о результатах экспедиций, с которыми В.К.Арсеньев выступил перед научной общественностью Петербурга. Начало третьего этапа можно датировать 1912 г. - временем проведения первой специальной археологической экспедиции в Приморье. Весной 1913 г. проводились раскопки средневекового могильника вблизи Хабаровска.

При этом важно отметить весьма высокий (практически современный) уровень методики раскопок. К этому времени Арсеньев описал и сфотографировал, отснял топографически 228 археологических памятников (в одном источнике 128, что, видимо, опечатка).

В 1914-1916 гг. администрация всячески препятствует археологической деятельности Арсеньева, лишая его средств на раскопки. В 1915 г. небольшие раскопки ведутся в Приморье на памятниках с раковинными кучами. К полевой работе Арсеньеву удается вернуться только в 1921 г., когда он исследовал один из интереснейших памятников железного века на полуострове Песчаном.

Организационно-археологическая деятельность. Этот аспект включает создание В.К.Арсеньевым в начале 1914 г. историко-археологического отделения при Приамурском отделе Географического общества. Позже Арсеньев разрабатывает план археологического изучения Дальнего Востока, выделяет районы концентрации памятников, составляет смету расходов и указывает число исследователей, которые могли бы осуществить эти работы.

Систематизация, хранения и использования археологических материалов. К описанию и систематизации коллекций В.К.Арсеньев относился с большой тщательностью. Только в Хабаровский музей им передано 1033 археологических предмета; материалы, собранные при раскопках, поступали также в музеи Владивостока, Москвы, Ленинграда, Казани. Коллекции сопровождались описью предметов.

Пропагандистская, просветительская и научно-педагогическая деятельность Арсеньева-археолога - очень яркая страница его биографии. За 20 лет им подготовлено множество докладов, сообщений, выступлений в различных научных обществах Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Владивостока, Харбина... Арсеньев преподавал в нес-

кольких учебных заведениях, в том числе в Дальневосточном государственном университете.

Из своих археологических изысканий Арсеньев успел опубликовать только небольшую часть. В конце 20-х годов он собирался подготовить и издать книгу по археологии Дальнего Востока с атласом древних городищ, чертежами. Материалы были собраны, но завершить работу Владимир Клавдиевич не успел.

Можно считать важной и вполне осуществимой задачей изучение археологической деятельности В.К.Арсеньева. Это имеет значение для археологии сегодняшнего дня и ее истории, а также значительно дополнит творческий портрет человека, имя которого неразрывно связано с советским Дальним Востоком.

Н.А.Кляев

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ВКЛАД В.К.АРСЕНЬЕВА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ В ПРИМОРЬЕ

Важное место в истории археологии Приморья занимает деятельность В.К.Арсеньева. В начале XX в. он был ведущим исследователем в крае. Основной объем его археологических работ в Приморье приходится на дооктябрьский период и годы гражданской войны. Им было выявлено 228 археологических памятников различных эпох. В это время у В.К.Арсеньева сложились представления о ходе древней истории Приморья, которые отразились в ряде его статей. Он поддерживал традиционно сложившуюся в науке точку зрения о срав-

нительно молодом возрасте палеолита и неолита Сибири и Дальнего Востока по сравнению с западноевропейским. В предложенной им периодизации древней истории Уссурийского края особое место занимал каменный век, который он доводил до образования Бохайского государства. Наиболее интересные выводы В.К.Арсеньев сделал о хозяйстве янковской культуры (по материалам раскопок на полуострове Песчаном у Владивостока). В вопросе о предпосылках образования раннесредневековых государств на территории Дальнего Востока исследователь разделял идеи миграционизма.

В.К.Арсеньев стремился всемерно активизировать археологические изыскания в Приморье. В 1916 г. по его инициативе состоялись два заседания Общества изучения Амурского края, где была разработана программа археологических исследований. В годы гражданской войны В.К.Арсеньев принял активное участие в подготовке Первого съезда по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении, на котором выступил с докладом. После восстановления Советской власти на Дальнем Востоке его организаторский талант проявился еще ярче. Он являлся одним из организаторов музейного дела в Приморье и Приамурье, убежденным пропагандистом исторического краеведения. В 1929 г. по его инициативе при Обществе изучения Амурского края была создана специальная корреспондентская сеть для лучшей организации учета археологических памятников в Приморье.

После смерти В.К.Арсеньева отмечается временный спад в археологических исследованиях Приморья, что не случайно, ибо активная деятельность выдающегося исследователя Дальнего Востока определяла лицо приморской археологии как до революции, так и в первые годы Советской власти.

И.В.Андреева, д.и.н.

И.С.Жушкова

Н.А.Кононенко, к.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ

В широкий круг научных интересов В.К.Арсеньева входили и археологические изыскания в различных районах Уссурийского края. Им изучались материальные остатки древнейших культур эпохи первобытнообщинного строя и памятники периода средневековья. Много сделал Арсеньев, в частности, для исследования поселений янковской культуры железного века I тыс. до н.э. (культуры раковинных куч). Эти памятники привлекли к себе внимание ученых еще в конце XIX в. Район их наибольшей концентрации – прибрежная зона южного Приморья, характерный внешний признак – наличие в культурном слое мощных напластований раковин морских моллюсков. В.К.Арсеньев известен как организатор первых раскопок на одном из интереснейших поселений янковской культуры на полуострове Песчаном. Ему принадлежит ряд мыслей и выводов об образе жизни и уровне развития обитателей поселений с раковинными кучами, а также об окружающей среде того времени.

Результаты археологических раскопок В.К.Арсеньева на полуострове Песчаном имели большое значение для дальнейших исследований поселений с раковинными кучами на юге Приморья. С начала 50-х годов эти исследования получили систематический и широкомасштабный характер. Именно поселение на Песчаном, где вел изыс-

кания В.К.Арсеньев и где в конце 50-х годов работал А.П.Окладников, стало первым памятником янковской культуры, раскопанным практически полностью и тщательно изученным. Материалы раскопок на Песчаном в совокупности с данными по ряду поселений в прибрежной зоне Амурского и Уссурийского заливов явились основой археологического определения памятников с раковинными кучами как единой культуры, ее датировки и типологических классификаций инвентаря. Впервые были сделаны находки железных изделий, коренным образом изменившие точку зрения ученых на историческую сущность культуры раковинных куч. Первые исследователи ее памятников, в том числе и В.К.Арсеньев, относили их к периоду неолита. А.П.Окладников также вначале считал эту культуру "вполне неолитической", хотя развитой и прогрессивной по своему характеру. После обнаружения на Песчаном железных орудий культура раковинных куч была отнесена к эпохе металла, и в археологической периодизации древней истории Приморья был выделен железный век. Материалы широких раскопок на Песчаном оказались интересны для реконструкции хозяйственной жизни прибрежных племен. Они подтвердили выводы Арсеньева о важной роли в экономике присваивающих отраслей — охоты, рыболовства, морского собирательства, но вместе с тем выявили и новые, неизвестные ранее факты о существовании земледелия и скотоводства.

В 60-х-70-х годах объем работ на памятниках янковской культуры значительно возрос. Было установлено, что ее ареал включает не только прибрежные, но и континентальные районы южного Приморья, а также юго-восточное Приморье. В этот период исследовались такие памятники, как Малая Подушечка, Олений I-II, Кроуновка (средний слой), Киевка-3, Екатериновка, Чапасво, Сла-

вянка. При этом поселение на полуострове Песчаном служило своего рода "эталоном", с которым сопоставлялись материалы каждого нового памятника.

Анализ многочисленных и разнообразных археологических данных серии широко раскопанных памятников выявил новые аспекты в характеристике янковской культуры. Чрезвычайно важной категорией археологических источников, открытой на поселениях Малая Подушечка и Чапаево, явились могильники с несколькими типами захоронений – трупоположением в грунтовых ямах, вторичным погребением в котлованах заброшенных жилищ и погребением в раковинных кучах. Следует отметить также находки производственных комплексов – в частности, рабочую площадку по изготовлению и обжигу глиняной посуды на поселении Малая Подушечка. Эти материалы очень ценны для изучения социальных форм производства в древности.

Массовые коллекции керамики содержат свидетельства существования локальных вариантов в материальной культуре янковских памятников. В соответствии с особенностями технологии, форм и орнамента глиняной посуды можно выделить следующие варианты памятников: 1) Песчаный, Чапаево, Славянка и ряд других поселений побережья Амурского и Уссурийского заливов; 2) Малая Подушечка; 3) Киевка-3. Ряд признаков керамики дает возможность предположить хронологическую несинхронность локальных вариантов: памятники прибрежной зоны Амурского и Уссурийского заливов, по-видимому, представляют наиболее ранний этап развития янковской культуры.

Детальный анализ каменного, костяного и металлического инвентаря поселений Чапаево, Славянка, Песчаный и Малая Подушечка позволили обнаружить также локальные варианты в хозяйст-

венном укладе яковской культуры. Экономика поселений Чапаево, Славянка, Песчаный и, вероятно, других памятников морского побережья южного Приморья была ориентирована главным образом на присваивающие отрасли (охота, рыболовство, морское собирательство) и в меньшей степени – на скотоводство. Следы земледелия на этих памятниках эпизодичны и маловыразительны. Что касается Малой Подушечки, то на данном поселении, расположенном в речной долине на расстоянии более 20 км от моря, земледелие играет в хозяйстве весьма заметную роль, а присваивающие отрасли имеют несколько иную структуру по сравнению с прибрежными поселками.

В целом археологические работы на памятниках яковской культуры культуры железного века Приморья дали ряд интересных результатов и позволили наметить направления, перспективные для дальнейших исследований.

Д.М.Васильев

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

МОГИЛЬНИК НА ПРОТОКЕ БЫСТРАЯ

В 1912–1913 гг. во время строительства Амурского железнодорожного моста был разрушен интереснейший раннесредневековый могильник Приамурья Дубовая релка. Однако, благодаря археологическим исследованиям В.К.Арсеньева и А.И.Звездина, удалось спасти определенное количество предметов материальной культуры. Среди них – уникальный пластинчатый доспех, экспонирующийся в Хабаровском краеведческом музее.

Спустя 70 лет, в 1983 г., Амуро-Уссурийским отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР под руководством автора были предприняты раскопки в этом районе – на протоке Быстрая (рукаве Пензенской протоки). Можно предположить, что данный могильник – сохранившаяся часть Дубовой ралки.

Перед раскопками геофизики Института тектоники и геофизики ДВНЦ АН СССР провели электроразведку, выявившую ряд аномалий, где впоследствии были вскрыты погребения.

Раскопана площадь около 950 м², обнаружено 26 погребений.

По обряду погребения на могильнике делятся на интумации (труположения) и вторичные.

Интумации совершались в могильных ямах подпрямоугольной формы с округленными углами и скошенными ко дну стенками. Большинство погребений ориентировано по азимуту 120° (восток-юго-восток), одно (№ 6) – с юга на север. Положение костяков: головой на закат, ноги согнуты в коленях. Погребения сопровождаются лепными и станковыми сосудами с преднамеренно отбитыми венчиками. Помещали горшки обычно возле черепа в западной стороне могил, реже – в ногах. Лепные сосуды чаще всего лежат на боку, станковые стоят. В погребениях находился различный могильный инвентарь: ножи, наконечники стрел, рыболовные крючки, кресала, бронзовые и серебряные серьги, бубенчики, колокольцы, поясные бляшки, боевой топорик.

Интересно детское погребение (№ 24). В западной части могилы пирамидкой составлены девять миниатюрных станковых и лепных сосудов и шейка высокогорлого кувшина. Около сосудов среди костного тлена черепа найдена маленькая серебряная серьга с не-

фритовым диском и ожерелье из десяти бусин: глиняной, стеклянных и сердоликовых. Возле таза сохранились остатки пояса с бубенчиками, нож и два наконечника стрел. В ногах зачищена россыпь глиняных бусин, клык волка, сердоликовая галечка и железная четырехлучевая "звездочка". В погребении № 25 выявлены четыре сосуда: два станковых и два лепных мохэского типа. Три из них находились у головы, причем лепной стоял вверх дном. Другой лепной сосуд лежал на боку между костями согнутых в коленях ног.

Вторичные погребения могилами и размещением инвентаря не отличаются от ингумаций. Сосуды и остатки костей черепа размещались в западной части могил. В могиле № 6 обнаружены два вторичных погребения, ориентированных с юга на север, причем одно из них совершено позже. В заполнения могилы попадают угли и кусочки бересты, окрашенной в красный цвет. В погребении № 1 с юга стоял большой станковый долбчатый кувшин. В его тулове до обжига пальцем проткнуто отверстие. В северной части могилы разбросаны фрагменты разбитого горшковидного сосуда. Найдены обломки серебряной пластинки с гравированным рисунком цветочного бутона и пирамидальная железная бляшка. В погребении № 2 с севера лежали два лепных сосуда мохэского типа. В стенках могильной ямы прослеживаются угольки, обугленная береста. Сохранились остатки небольших столбиков по трем углам погребения № 2. Возможно, стенки могилы были укреплены плетнем.

В западной части могилы № 2 находились два станковых и два лепных сосуда. Рядом с ними лежали шесть наконечников стрел и оригинальный боевой топоряк. В восточной половине погребения разбросаны восемь рыболовных крючков, кресало и нож.

Почти в каждом погребении есть сердоликовые галечки.

В некоторых могилах сохранились остатки сторевших примитивных гробов. Стенки их из дерева, дно и, возможно, крышка — берестяные. По углам гробов иногда прослеживаются столбики. Гробы поджигали и почти сразу же засыпали грунтом. В результате уцелевшие части гроба в песке подчас невозможно проследить.

Есть на могильнике пустые могилы нестандартной формы и размеров, не содержащие остатков костей и могильного инвентаря. По-видимому, это кенотафы.

Ритуальное назначение имеют, видимо, округлая яма диаметром около 3 м, различные канавки, кольцевидные и полукольцевидные ровики. В пространстве, ограниченном ровиками, находятся от одного до трех погребений. По верху гумусированного заполнения ровиков разбросаны фрагменты сосудов и керамических крышек.

На территории могильника встречаются целые и разбитые сосуды, употреблявшиеся во время тризны, в ровиках и погребениях попадаются куски окатанной пемзы.

Нередко могилы перекопаны или при подхоронении, или же при совершении обряда обезвреживания покойника.

В целом материалы могильника характерны для культур шивэйских племен Приамурья УШ—ХІ вв. н.э.

В.О.Шубин, к.и.н.

Сахалинский краеведческий музей

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРВОГО РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ОСТРОВЕ УРУП (Курильские о-ва)

Раздел "История открытия и исследований Сахалина и Курильских островов" занимает важное место в экспозиции Сахалинского

областного краеведческого музея. До недавнего времени эта тема раскрывалась исключительно на плоскостных и копиях материалах.

В 1980 г. музеем разработана долговременная программа исследований первых русских поселений и постов на Дальнем Востоке. Предусмотрено провести разведки, а затем археологические раскопки на островах Уруп, Симушир, Онекотан, Шумшу, а также в устье реки Улья Охотского района Хабаровского края и в ряде пунктов на Сахалине и Камчатке.

В настоящее время разведка проведена в бухте Алеутка на о. Уруп и в устье протоки, вытекающей из оз. Большого на о. Шумшу. Наиболее перспективным для исследования местом является бухта Алеутка на о. Уруп, где располагалось русское поселение XVII-XIX вв.

Первым из русских в этой бухте зимовал казачий сотник И. Черный в 1768-1769 гг. Им были приведены в подданство и объясачены 83 "мохнатых" курильца, т.е. айна. В 1770-1772 гг. на Урупе начинается регулярный морской промысел каланов артелями П. Протодяконова и Я. Никонова. В середине 70-х годов XVIII в. о. Уруп заинтересовались иркутские купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов. Они снаряжают и отправляют на остров суда "Св. Николай" (1775) и "Св. Наталия" (1777). В чрезвычайно трудных условиях налаживается морской зверобойный промысел и устанавливаются первые торговые отношения с соседней Японией. Однако 18 июня 1780 г. бригантина "Св. Наталия" была выброшена на берег сильным цунами. Многочисленные попытки снять ее не увенчались успехом, и в 1785 г. русские промышленники временно покинули бухту Алеутка.

В 1795 г. по инициативе Г.И.Шелихова русское поселение в бухте, которое в некоторых источниках называлось Курилорос-сей, было возобновлено. Русские промышленники под началом В.К.Звездочетова наряду с занятием морским зверобойным промыслом вали опытные посевы ржи и других культурных растений. Поселение на данном этапе просуществовало до 1805 г., когда после смерти В.К.Звездочетова и еще нескольких поселенцев промышленники вынуждены были перебраться на Камчатку.

Вновь было возобновлено поселение в 1828 г. уже как фактория Российско-Американской компании. Промышленники под руководством мичмана А.К.Эстолина построили жилые и хозяйственные помещения, кузницу, кожевенную мастерскую и склады. Они регулярно сажали рожь, разводили домашний скот. Поселение просуществовало до 10 сентября 1877 г., когда его последние жители на клипере "Абрек" переехали в Петропавловск-Камчатский.

В 1981-1983 гг. в бухте Алеутка были начаты археологические раскопки. В настоящее время исследованная площадь достигла 1800 м², что составляет примерно половину общей площади поселения. Культурный слой, мощностью от 0,45 до 1 м, неоднороден по составу и цвету. Особенно насыщены находками мощные слои строительного мусора и древесной щепы. Найдены многочисленные металлические изделия: скобы, штыри, кованые гвозди, чугунный котел, наконечники гарпунов для промысла морского зверя. Большой интерес представляют свинцовые пломбы округлой формы с монограммами РАК (Российско-Американской компании), стеклянная посуда, бисер, бусы, фаянсовые изделия. Раскопаны остатки кузнечных горнов, сложенных из морской гальки, каменная вымостка пола наземного сооружения, по-видимому кузницы.

В центральной части поселения обнаружены нижние венцы срубленного из каменной березы деревянного сооружения размером 9,9x4,1 м, ориентированного в направлении с севера-запада на юго-восток и разделенного на три помещения: жилая комната с очагом в деревянной раме, коридорообразный выход-тамбур (каменные ступеньки перед внешней дверью) и пристройка для содержания скота. Найдены многочисленные предметы домашней утвари: деревянные веселки, лопатка для размешивания теста, доска для резания черемши, металлические топоры, и среди них экземпляр с прекрасно сохранившимся топорешем, ножи (кухонные и перочинные), вилки, зубила, пёшши, рыболовные снасти, фрагменты стеклянной и фаянсовой посуды (в том числе производства крестьян братьев Барминых). В коллекции бытовых предметов имеются металлические и костяные светцы, бронзовый подсвечник, бусы, наперстки, остатки кожаной обуви и т.д. Впервые найдены деревянная и медная линейки с дюймовыми делениями, медный транспортёр, детали кремневых ружей.

Рядом с остатками русской деревянной постройки исследован полуподземный котлован жилища алеутского типа с характерным набором инвентаря.

В ближайшие годы планируется продолжить археологические раскопки и завершить исследование Курило-Оростки.

М.И.Ищенко
Сахалинский краеведческий
музей

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ В ИЗУЧЕНИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОСТОЯННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

Социалистическая реконструкция советского Дальнего Востока

выдвинула перед исследователями совершенно новые задачи. В.К.Арсеньев одним из первых сумел понять их и внес большой практический вклад в хозяйственное и культурное преобразование края. Особое внимание он уделял проблеме формирования постоянного населения Дальнего Востока. Рассматривая различные ее аспекты, В.К.Арсеньев выступает не только как историк и географ, но и как этнограф. В докладах "Население Дальнего Востока как производительный фактор" и "Колонизационные перспективы Дальнего Востока", подготовленных им к Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, он дает подробную характеристику различных по национальному составу групп населения, рассматривает специфику их хозяйственной деятельности и быта.

История заселения Сахалина, вопросы материальной культуры и быта русского населения так или иначе освещались в большинстве работ об острове. В дореволюционный период – в трудах М.С. Мицуля, И.С.Полякова, А.П.Чехова, Ф.К.Августияновича, Н.Новомбергского, А.А.Панова. В этих работах описывается ход колонизации острова, даются оценки переселенческой политики царизма, описания быта поселенцев, приводятся сведения о национальном составе населения и районах выхода переселенцев. Наибольшее внимание исследователи уделяли сахалинской каторге. Жизнь и быт вольного населения часто оставались без внимания.

В советский период вопросы формирования постоянного населения Сахалина освещались В.Я.Аболтиным, В.Е.Глуздовским, А.П. Георгиевским, И.А.Сенченко, А.И.Алексеевым. Характерными особенностями их работ является расширение источниковой базы, введение в научный оборот новых архивных материалов, обширного фак-

тического материала по хозяйственной деятельности русского населения Сахалина. Вопросы этнографии русского населения Сахалина ими не рассматривались.

В фондах и экспозициях Сахалинского областного краеведческого музея имеются некоторые материалы, характеризующие хозяйство и быт русского населения Сахалина конца XIX–XX вв. В середине 60-х годов сотрудниками музея В.В.Вязовской, М.С. Голиковой и М.И.Ержениной была собрана небольшая, но интересная коллекция предметов крестьянской домашней утвари из села Михайловка Александровского района. В 1978–1979 гг. отдел истории советского общества сформировал коллекцию предметов быта переселенцев на Южный Сахалин 40–50 годов. Но до начала 80-х годов сборы проводились бессистемно, эпизодически, были слабо документированы. В 1981–1983 гг. состоялись историко-этнографические экспедиции отдела истории советского общества в Александровский и Тымовский районы. Этнографическая коллекция музея пополнялась земледельческими орудиями труда, орудиями обработки дерева, предметами крестьянской домашней утвари, воспоминаниями старожилов.

История формирования постоянного русского населения Сахалина, его материальная культура и быт заслуживают дальнейшего исследования. Необходимо серьезно изучить следующие основные проблемы:

1. Этапы формирования постоянного русского населения Сахалина, его расселение.
2. Динамика переселенческого движения.
3. Происхождение переселенцев, состав отдельных потоков в социальном и семейно-демографическом аспектах.

4. География русского оседлого населения Сахалина, образование компактных групп в отдельных районах, миграции внутри острова.

5. Этнокультурные связи, установившиеся в результате миграционных движений.

6. Семейный строй русского населения острова, численность и структура семьи на разных этапах заселения.

7. Формы освоения острова русскими людьми.

8. Взаимовлияние локальных черт культуры выходцев из различных областей страны, приспособление их к новым условиям жизни.

9. История сельских и городских поселений Сахалина.

10. Взаимосвязи и взаимовлияние русского населения острова с малыми народами Сахалина.

11. Материальная культура русского населения Сахалина (жилище, орудия производства, утварь, одежда).

Д.В.Аргудьева, к.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (60-е годы XIX-начало XX в.)

Формирование населения и степень его миграционной подвижности на советском Дальнем Востоке – одна из актуальных проблем современных историко-этнографических исследований. Свидетелем этих процессов в регионе был и известный путешественник

В.К.Арсеньев, неоднократно посещавший только что основанные русские, украинские и белорусские селения.

При изучении особенностей формирования населения необходимо проследить его этнический и областной состав и этапы формирования. Это особенно важно в таких многонациональных районах, как Приморский край. Исследование здесь компактных национальных и областных групп, особенностей их быта и культуры, а также межэтнических контактов помогает правильно осуществлять национальную политику и решать задачи коммунистического строительства.

В настоящее время подавляющее большинство населения Приморского края составляют восточнославянские народы – русские, украинцы и белорусы. Ни один из них по своему областному составу, а следовательно, и этническим признакам не был однородным. Среди русских в крае встречаются выходцы почти из всех губерний (впоследствии областей) центральной части России и Сибири. Своеобразную группу представляет уссурийское казачество, сформировавшееся в 60–е–90–е годы XIX в. из забайкальских, оренбургских, кубанских и донских переселенцев. Интересны и группы староверческого населения – выходцы из Забайкалья и Алтая, потоки которых обитают в таяжных районах края. Неоднородно украинское и белорусское население.

Присоединение Приамурья и Приморья к России в середине XIX в. вызвало политическую и экономическую необходимость скорейшего заселения и хозяйственного освоения этих территорий. Первые русские поселения в крае возникли в 60–е гг. XIX в. как военные посты на озере Ханка, а также по Уссури и колесной доро-

ге до Владивостока. Образование крестьянского населения Приморья также относится к 60-м годам прошлого столетия, когда в край двинулись выходцы из Астраханской, Воронежской, Пермской и Вятской губерний, а также из Сибири. Однако крестьянское переселение длительное время носило стихийный характер. Лишь в 1883 г. правительство приступило к организации переселения крестьян как на казенный, так и на свой счет морским путем и сухопутным. После 1883 г. в край прибывали крестьяне преимущественно из Черниговской, Полтавской, Киевской, Харьковской и других украинских губерний и в меньшей степени – из Белоруссии и центральных губерний Европейской России. Расселяя крестьян по краю, правительство, как правило, в одно селение определяло выходцев из различных губерний, что привело к значительному областному и этническому смещению населения.

Процесс формирования сельского населения Приморского края во второй половине XIX – начале XX в. значительно повлиял на этнический состав новоселов. В 60–70-е годы XIX в. в Приморье селились преимущественно русские, после 1883 г. – украинцы и в меньшей степени белорусы и русские. В начале XX в. в национальном составе крестьян края преобладали украинцы (81%), русских было 8%, белорусов – около 7 и прочих – около 4%. Длительное совместное проживание на территории края, общность социально-экономического развития, тесные хозяйственные, соседские и брачные контакты уже в предреволюционные годы привели к сближению русского, украинского и белорусского народов.

Г.Д.Титов

Хабаровское высшее военно-
строительное училище

ЗАСЛУГИ В.К.АРСЕНЬЕВА В ТОПОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В исследованиях жизни и деятельности В.К.Арсеньева недостает обращения к его топографическому наследию.

Владимир Клавдиевич приехал на Дальний Восток, не имея специальной подготовки в области топографии. Тем большего уважения заслуживает его стремление овладеть в достаточной мере основами топографии непосредственно в экспедициях. Знание приемов рисования, черчения и съемки планов местности, умение читать местность по карте и самостоятельно работать с топографическими приборами пригодилось В.К.Арсеньеву впоследствии, когда он приступил к комплексным исследованиям Сихотэ-Алиня.

Занимаемые им должности — заведующего учебной, затем — охотничьей командой, начальника Владивостокской конно-охотничьей команды и летучего отряда крепости Владивосток дали ему возможность хорошо изучить южную часть Приморья и приобрести необходимые исследовательские навыки.

Важно отметить, что в Забайкалье, вдоль Амура и в Уссурийском крае топографические съемки начали вестись только во второй половине XIX в. В основном это были двухверстные полунструментальные маршрутные съемки, рекогносцировки и съемки в масштабе 2 версты и 5 верст в дюйме. Рельеф изображался условными и абсолютными горизонталями. Основой этих съемок служили главным образом редкие астрономические пункты и только в

районе Читы, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Владивостока — пункты триангуляции. Качество карт было невысоким, количество карт в войсках — незначительным.

Известная карта А.Ф.Будищева 1864 г. ко времени приезда В.К.Арсеньева на Дальний Восток не в полной мере отражала состояние элементов местности. Рельеф был зарисован глазомерно и обобщенно, хребты, вершины показаны в виде отмывок, а не горизонталями. Инструментально наносились только вершины и тальвеги, большие дороги и реки, крупные населенные пункты. Из-за отсутствия точных материалов южная и восточная части современного Хабаровского края освещались явно недостаточно.

Для экспедиций Арсеньеву требовались карты более поздние, которые не всегда имелись. В экспедиции 1906 г. использовались карты десятиверстные — маршруты по рекам Уссури, Верховья и Павловка и сорокаверстные, издания 1889 г., — в прибрежные районы Японского моря.

В 1902–1903 гг. Владимир Клавдиевич исследовал отдельные районы южного Приморья. В 1906 г. он уже назначается руководителем экспедиции по изучению земельного фонда и проведению военно-географических работ (рекогносцировки) в южной части Сихотэ-Алиня, вдоль береговой полосы к северу от залива Ольги и в верховьях Уссури и бассейна Большой Уссурики.

В.К.Арсеньев наносил на карту направление течения малоизвестных рек, очертания морских берегов, протяженность горных хребтов, определял высоты горных перевалов. Не расставаясь с планшетом в любое время года, тщательно вычерчивал направление пути и рельеф местности.

Путевые дневники и записные книжки В.К.Арсеньева позволяют строго по дням проследить его маршруты. В своих топографических записях он указывал и приборы, с помощью которых выполнялись различные измерения. Определение высот точек осуществлялось с помощью барометра-анероида, астрономические определения местоположения пунктов – буссолью Шмалькальдера, направление движения – горным компасом и т.п. В дневники заносились не только описания и сведения, имеющие важное значение, но и рисунки и фотографии ландшафтов, вклеивались карты маршрутов и отдельных участков местности.

Все эти топографические документы и данные использовались затем в отчетах о работе экспедиции, составляли основу для создания новых карт, облегчали труд следующих поколений землепроходцев и исследователей.

К сожалению, в настоящее время пока не известно, как и какие конкретно топографические документы В.К.Арсеньева были впоследствии использованы при картографировании советского Дальнего Востока. Однако можно уверенно полагать, что топографические измерения, выполненные им и другими членами его экспедиций, позволили с картографической точностью зафиксировать районы и места, представляющие большой интерес для развития археологии, этнографии, экономики, геологии, биологии, сельского хозяйства, городского, промышленного и дорожного строительства на советском Дальнем Востоке.

В.П.Сысоев, член СП СССР
Хабаровская писательская
организация

В.К.АРСЕНЬЕВ КАК ОХОТОВЕД

Свою деятельность на русском Дальнем Востоке В.К.Арсеньев начал как охотовед.

В 1886 г. военный министр России в приказе № 260 предписал: "В каждой отдельной части войск иметь некоторое число людей, заблаговременно подготовленных к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью", которые "должны быть избираемы из энергичных, сильных, ловких, искусных в стрельбе. Для удобства надлежащей их подготовки разрешается собрать их в охотничьи команды. Предметом занятий команд должны служить по преимуществу: в пехоте — охота на хищных зверей, а в кавалерии — псовая охота верхом. Занятия эти по возможности должны быть соединены с задачами по разведке и по изучению местности".

Во исполнение этого приказа во Владивостоке была создана охотничья команда, начальником которой в 1902 г. стал поручик В.К.Арсеньев, прибывший двумя годами ранее на Дальний Восток.

В 1901 г. он вступил в члены Владивостокского общества любителей охоты и через пять лет опубликовал обширный "Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за 5-летие с 1901 по 1905 г. включительно". В этой первой своей печатной работе (объем 60 с.) В.К.Арсеньев осветил состояние охотничьих угодий общества, дал охотэкономическое описание промысла

пятнистых оленей и наметил меры по их охране. В отчете затрагивались многие проблемы охотничьего хозяйства Приморья, а также описана фауна островов и материкового побережья. Отчет вызвал большой интерес у охотоведов и краеведов, у всех, кому была дорога природа Дальнего Востока.

В.К.Арсеньев хорошо понимал, что соболь — это настоящее и будущее пушного промысла Дальнего Востока. Им опубликован ряд работ: "Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае" (1922), "Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае" (1925), "За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке" (1925). Особенно обстоятельна первая статья о соболе, его жизни и способах промысла, изданная также и на английском языке. Интересен очерк "Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов" (1922). Привлекал внимание В.К.Арсеньева и морской зверобойный промысел. В статье "Дельфиний промысел" (1925) он дает характеристику белухе, оценивая ее экономическое значение, в статье "Тихоокеанский морж" (1927) описывает биологию этого животного и промысел его.

Владимир Клавдиевич хорошо знал жизнь аборигенов Дальнего Востока — удэгейцев, орочей, нанайцев и ценил их как прирожденных охотников-звероловов.

В своих произведениях Арсеньев художественно ярко и научно добросовестно описал богатейшие уголья Дальнего Востока, их флору и фауну, технику охотничьего промысла, экономику и быт местных охотников-промысловиков. К использованию природных ресурсов он подходил как рачительный хозяин, как исследователь, любящий и оберегающий природу. Вот почему его произведения

являются настольной книгой для всех охотоведов, работающих не только в крае, но и в других районах Советского Союза.

Неоспорим существенный вклад В.К.Арсеньева в советское охотоведение.

Т.З.Матвеева
Владивосток

В.К.АРСЕНЬЕВ И Э.Н.МАТВЕЕВ

После освобождения советского Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев восстановление народного хозяйства края стало главной заботой дня на местах. Решению этой задачи способствовало и мощное краеведческое движение в Приамурье и Приморье.

Отделы Географического общества в эти годы активно вывели в исследовательскую работу учителей, школьников, молодых рабочих и крестьян, оказывали организационную и методическую помощь краеведческим кружкам, устанавливали тесную связь с партийными и советскими органами.

Крупным центром комплексного изучения края стал Научно-исследовательский институт, созданный в 1924 г. при Дальневосточном государственном университете. В мае 1925 г. состоялось совещание краеведов, а в апреле 1926 г. — Первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока.

Руководителем и вдохновителем краеведческой работы в крае был В.К.Арсеньев. Он являлся и непосредственным участником исследований, и талантливым популяризатором научных знаний, и опытным организатором, и мудрым наставником. До последних дней своей

жизни он вел трудную жизнь путешественника, да и умер от воспаления легких, простудившись во время последней экспедиции на Амур (1930). Владимир Клавдиевич избрался делегатом Третьего Дальневосточного краевого съезда Советов в 1929 г., руководил изысканиями будущих железных дорог, занимался переселенческим и национальным вопросами.

Рядом со знаменитым путешественником, ученым и писателем трудилось немало дальневосточных краеведов. Одним из них был приморский историк и библиограф З.Н.Матвеев. Вместе с Арсеньевым он работал в совете Владивостокского отдела Географического общества СССР, Дальневосточном научно-исследовательском институте, университете. Оба они принимали участие в подготовке такого интересно и широко задуманного издания, как Советская дальневосточная энциклопедия.

З.Н.Матвеев составил "Записку о прохождении службы путешественником и исследователем Приамурского края... В.К.Арсеньевым...". Им же были составлены первые библиографические своды произведений Арсеньева.

Н.А.Жиглева

Хабаровский краеведческий музей

В.К.АРСЕНЬЕВ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЛЕСОВОДЫ

В.К.Арсеньев всегда тщательно подбирал участников экспедиций, стремясь обеспечить комплексность исследований. Вместе с ним делили тяготы походной жизни и ученые-лесоводы.

Друг В.К.Арсеньева лесничий Н.А.Пальчевский в 1906 г.

сопровождал его на пути к побережью Японского моря, а в 1907–1908 гг. вместе с ним работал ботаник Н.А.Десулави. В экспедиции по маршруту Совгавань – Хабаровск (1927) отряд, шедший навстречу отряду В.К.Арсеньева, возглавлял ботаник В.М.Савич. Кроме проводников, в него входили студенты лесного факультета Дальневосточного государственного университета К.К.Высоцкий, П.С.Гончаров, Г.И.Карев. В отряде же В.К.Арсеньева кроме зоолога А.И.Кардакова и проводников принимал участие студент-геоботаник Н.Е.Кабанов.

Материалы Ленинградского исторического архива, Приморского государственного краевого архива, Приморского филиала Географического общества СССР, воспоминания ученых-лесоводов докторов сельскохозяйственных наук К.П.Соловьева и А.А.Цымека, переписка с доктором биологических наук Н.Е.Кабановым и другими лесоводами, с детьми В.М.Савича помогли восстановить жизненный путь двух участников последней экспедиции В.К.Арсеньева – В.М.Савича и Н.Е.Кабанова.

Владимир Михайлович Савич родился в 1885 г. в г. Уральске в семье лесничего Михаила Клементьевича Савича, основателя Уральского степного лесничества. В 1902 г. по окончании реального училища он поступил в Петербургский лесной институт. В студенческие годы специализировался по ботанике. Закончив институт в 1908 г., работал в Астраханской губернии, а затем в Грузии и Армении. В 1913 г. изучал в Северной Америке, Англии и Северной Африке (Алжир) селекцию и гибридизацию сельскохозяйственных растений. В 1914–1923 гг. работал на Северном Кавказе и в Ленинграде. После изгнания белогвардейцев и интервентов с советского Дальнего Востока переехал во Владивосток.

С 1923 по 1932 г. заведовал кафедрой ботаники Дальневосточного государственного университета, руководил Научно-исследовательским институтом, по заданию Переселенческого управления вместе с В.К.Арсеньевым исследовал северные районы Приморья и Приамурья, выясняя перспективы их промышленно-хозяйственного развития.

После 1932 г. Владимир Михайлович Савич занимался геоботаническими исследованиями в Комсомольске-на-Амуре и районе Караганды. Умер он в Ташкенте в 1964 г. За свою жизнь написал около 80 научных трудов, газетных и журнальных статей.

Николай Евгеньевич Кабанов родился в 1905 г. в с. Украинце Инсарского уезда Пензенской губернии. После окончания Читинской мужской гимназии в 1923 г. поступил на лесное отделение агрофакультета Дальневосточного государственного университета. Начиная с 1929 г. работал на Сахалине, в Дальневосточном лесотехническом институте, одновременно учился в аспирантуре ДВГУ.

С 1939 по 1944 г. работал геоботаником в Мурманской области, Коми АССР, затем вновь вернулся на Дальний Восток. С 1949 г. живет и работает в Москве. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор биологических наук, профессор.

Участие специалистов в экспедициях В.К.Арсеньева повышало научный уровень исследований, положительно сказывалось на качестве рекомендаций для народного хозяйства.

Собранный о лесоводах материал — научные труды, рукописи, фотографии, личные вещи войдут в будущую экспозицию "История дальневосточной лесной науки".

ЭТНОГРАФИЯ

А.Ф.Старцев

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

В.К.АРСЕНЬЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УДЕГЕЙЦЕВ
(к вопросу о названиях и самоназвании народности)

За 30 лет своей творческой деятельности на Дальнем Востоке В.К.Арсеньев совершил многочисленные научные экспедиции по краю. Наибольший интерес он проявил к изучению коренного населения Уссурийского края, сведения о котором в конце XIX – начале XX в. были отрывочными и разноречивыми, вызывали споры. В.К.Арсеньев много лет изучал этнонимы, этническое происхождение, материальную и духовную культуру удэгейцев и орочей.

Соседним народам удэгейцы были известны под разными названиями. Китайцы называли их йй-пъхэ-дтацзы, дта-цзы (тазы), что означает "рыбокожие ияродцы" или "люди, одевающиеся в рыбью кожу", корейцы – учика, маньчжуры – кьякала, кэкари и т.п.; орочи – кяка, негидальцы – олчан, эвенки – ламка, ламунка, нанайцы – намунка (ламунка, намунка – морские, приморские жители), нивхи – тозунг, русские – орочны.

В отечественной научной и популярной литературе XIX в. удэгейцы и орочи упоминаются под названием орочи или орочны (орочены). Объединение разных народностей под названием (орочи) орочны связано со случайной ошибкой французского мореплавателя Ж.Ф.Лаперуза, исследовавшего побережье Татарского пролива в 1787 г.

В 1901 г. С.Н.Браиловский, один из исследователей истории и культуры удэгейцев, выступил в печати с сообщением, что орочо-

ны северной части Приморья называют себя орочами, а аборигены южных районов края – удихэ, удеэ, удэ. Исходя из этого, он утверждал, что в состав орочоных (орочей) входят разные по культуре народности – орочи и удихэ (удеэ, удэ). Однако С.К.Патканов, известный этнограф-сибиревед, в 1906 г. высказал мнение, что между северными и южными орочами вряд ли возможны различия в их физическом типе, нравах и обычаях. Он предложил удэгейцев и орочей объединить под одним названием – кэкари.

В 1907 г., когда В.К.Арсеньев уже собрал большой сравнительный материал по этнонимам этих народностей, он выяснил, что многие коренные жители Уссурийского края, известные под именем орочоны, называли себя удэ. Он писал, что орочи-кэкари, живущие у берега моря, называются удэ Намунка; те же орочи, которые живут хотя и в прибрежном районе, но в верховьях рек, называются удэ Дэнкя. За водоразделом они именуются по рекам, на которых обитают. Например, на р. Бикия обитают удэ Бикинка, на р. Иман – удэ Иманка и т.д. В другом месте В.К.Арсеньев сообщает, что этноним „удихэ“, записанный С.Н.Брашловским, не соответствует звуко-сочетанию удэгейского языка, поэтому наиболее правильным будет этноним „удэхэ“ (удэге).

Продолжая свои исследования после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке, В.К.Арсеньев в 1926 г. опубликовал научно-популярный очерк „Лесные люди – удэхейцы“. Работа эта внесла ясность в изучение данного вопроса. Используя морфологию русского языка, путем добавления к основе суффиксов „ец“ и „йц“ с окончанием „ы“, В.К.Арсеньев получил этноним со значением единственного числа – удэхеец и множественного – удэхейцы. В дальнейшем он и другие ученые в научных и популярных работах

стали употреблять этноним удэгейцы как наиболее точный и удобный.

В наши дни в научных и популярных работах по истории и культуре удэгейцев применяют этноним „удэгейцы“. Однако некоторые журналисты и даже ученые, мало знающие историю изучения народности, в своих корреспонденциях и статьях до сих пор пользуются этнонимами 20-х-30-х годов XX в. — удэ, удэге, удэйцы. Употребление этих этнонимов наряду с общепризнанным в научных кругах этнонимом „удэгейцы“ порождает представление, что удэ, удэге, удэйцы и удэгейцы относятся к разным народностям.

Многочисленные материалы В.К.Арсеньева, сосредоточенные в архивах и музеях, часть которых была опубликована в последние годы, а также полевые и научные работы советских этнографов А.В.Смоляк, В.Г.Ларькина, Ю.А.Сема, Л.С.Букатовой, Э.Н.Осокиной, В.В.Подмаскина, Ю.И.Шейкина и других позволяют ныне увереннее судить об этнической истории удэгейцев и более определенно ответить на вопрос: "Кто такие удэгейцы?", поставленный ученым при его жизни.

А.М.Певнов

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ОТНОШЕНИЕ УДЭГЕЙСКОГО К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

Вместе с орокским, нанайским, ульчским и орочским языками удэгейский относится к южной ветви тунгусо-маньчжурской группы. Однако удэгейский и орочский языки, а также кур-урмийский и сунгарийский диалекты нанайского имеют значительное количество

специфических черт языков северной (тунгусской) ветви, к которой принадлежат эвенкийский, эвенский, негидальский и солонский. При этом указанные диалекты нанайского языка обнаруживают явное сходство с эвенкийским, в то время как удэгейский и ороцкий — с негидальским. С точки зрения лингвистической географии получается довольно любопытная картина — языки и диалекты так сказать "тунгусоидного" типа как бы дугой охватывают с юго-запада, юга, юго-востока и востока нижнеамурский языковой ареал, обладающий максимальной концентрацией особенностей южной ветви.

Сходство удэгейского и ороцкого с негидальским наблюдается главным образом в лексике и исторической фонетике (общие закономерности этих трех языков в области исторической фонетики были отмечены В.И.Цинциус). Особый интерес представляет отсутствие в исконных (т.е. не заимствованных) словах этих языков звука "р". По-видимому, здесь мы имеем дело с каким-то реликтовым субстратным явлением ("аномалия плавных"), характерным для многих гетерогенных языков Дальнего Востока: алеутского, корякского, айнского и др., а также для языков Юго-Восточной Азии и значительного количества языков индейцев Северной и Южной Америки.

Наиболее близким к удэгейскому в лексическом и грамматическом отношениях, а также в области исторической фонетики является, по-видимому, ороцкий язык. Самым удаленным (в лингвистическом смысле) от удэгейского можно без сомнения считать маньчжурский и, судя по всему, чжурчженский.

Что касается специфики удэгейского языка, то она проявляется прежде всего в фонетике (гортанная смычка в так называемых прерывных гласных; фарингальное целевое звонкое — "самостоятель-

ное" и в составе "аспирированных гласных"; нелабиализованное гласное переднего ряда нижнего подъема, лабиализованное гласное переднего ряда среднего подъема). В плане исторической фонетики самый существенный процесс заключался в ослаблении артикуляции некоторых согласных в интервокальной позиции (переход "с" в "аш", "ч" в "с", к" в "х", "гамму" или гортанную смичку, "п" в "ф"). Переход "с" в "аш" (фарингальный, щелевой, звонкий) наводит на мысль о былом вхождении удэгейского в обширный сибирский ареал языков (бурятский, якутский, эвенский, значительная часть эвенкийских диалектов, а также, как ни странно, — башкирский), переживших аналогичный процесс.

В лексике при общем явном преобладании слов тунгусо-маньчжурского лексического фонда немало и таких, которые, по-видимому, не имеют аналогий ни в одном из современных языков. Естественно предположить, что какая-то часть этой лексики неизвестного происхождения заимствована из языка или языков, предшествовавших появлению удэгейского на нынешней территории его распространения. Относительно недавно в удэгейский язык проникли лексические заимствования из языков земледельческих народов. Заслуживает внимания лексические вкрапления из языков, пространственно весьма удаленных от удэгейского, например из нивхского, монгольских и, может быть, корейского. И, наконец, просто загадочными являются возможные чукотско-камчатские заимствования в удэгейском, причем самое странное заключается в том, что больше ни в одном тунгусо-маньчжурском языке соответствующих слов нет. Дальнейшие исследования таких параллелей могут открыть заманчивые перспективы их истолкования в плане этногенеза и этнической истории удэгейцев.

Если судить по языку, то удэгейцы и их этнические предки прошли весьма сложный путь, насыщенный контактами с самыми разными народами. Удэгейский язык нельзя назвать "скрещенным"; с точки зрения грамматики и основного массива лексики удэгейский вполне укладывается в рамки "типичного" тунгусо-маньчжурского языка. Но в то же время то и дело проглядывают черты языков как Севера, так и Юга, как таежных континентальных районов, так и зоны Тихоокеанского побережья.

Таким образом, удэгейский язык может дать ценнейший материал не только лингвистам, но и специалистам по этнической истории. Однако вся беда в том, что этот уникальный язык непрослительно слабо изучен. А между тем число лиц, считающих удэгейский своим родным языком, из года в год уменьшается (1959г. - 73,7%, 1970 - 55,1, 1979г. - 27,5%). К тому же субъективное признание языка своим родным вовсе не предполагает глубокого владения им. Понятно поэтому, что сейчас, когда удэгейский язык еще существует в более или менее "чистом" виде, необходимо его углубленное изучение.

Е.М.Лосан
Хабаровский краеведческий
музей

КАТАЛОГИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В.К.АРСЕНЬЕВА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕВЕД- ЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Хабаровский краевой краеведческий музей за 90 лет своего существования стал головным учреждением в музейной сети советского Дальнего Востока. Его основной фонд насчитывает более

73 тысяч экспонатов. Часть этнографических и археологических коллекций была собрана одним из директоров музея В.К.Арсеньевым.

Известный путешественник и исследователь, В.К.Арсеньев расширил знания во многих областях науки. Особенно много он сделал для археологии и этнографии Приамурья и Приморья. В неопубликованных дневниках Владимира Клавдиевича обращают на себя внимание тщательно выполненные зарисовки археологических памятников. Коллекции же нигде подробно не описаны, в лучшем случае сведения обобщены: "каменные орудия", "остатки глиняных черепков" и т.д.

В Хабаровском краеведческом музее документов, фиксирующих поступления экспонатов от В.К.Арсеньева, нет. Коллекции не систематизированы, разрознены, что затрудняет их выявление, снижает в значительной степени информативность экспонатов.

При систематизации археологических и этнографических коллекций В.К.Арсеньева в отдельный каталог включены археологические коллекции, собранные в период 1906-1921 гг. на территории современного Хабаровского края (на левом берегу Амура, возле Бешеной протоки и залива Пензенской протоки, в районе железнодорожного моста, вблизи Петропавловского озера, в районе города Бикин), а также в Приморском крае (на полуострове Песчаном, в бухте Джигит, в долине Усури и т.д.) и Камчатской области (в долине реки Калахтырка, в селении Камаки), в Забайкалье - в долине реки Онон. Всего учтено около 40 номеров коллекций.

Археологический каталог составлен по региональному принципу. При датировании коллекций использованы научные труды археологов Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР.

Коллекции подробно иллюстрированы, планы-схемы археологических памятников скопированы с полевых дневников В.К.Арсеньева и карточек-планов, хранящихся в фойдах Хабаровского краеведческого музея.

В этнографический каталог включено 55 предметов. Особенно интересны коллекции шаманских масок и жезлов, образцов деревянной скульптуры (Мангги, Ни, Кусаланку), берестяных и деревянных изделий.

Систематизация этнографического материала проводилась по этническому принципу. В основном это предметы удэгейцев, собранные Арсеньевым на реках Малиновка и Большая Уссурка в 1906 г., в бухте Штормовая и на реке Самарга в 1907 г., места сборов 1911 и 1925 гг. не выяснены (календарь, деревянные посохи, колотушки для бубна, гремющий пояс шамана, коробка с тальниковыми стружками, сумочка для вышивок и ниток, берестяная конусообразная шляпа, обувь амурского покроя, нож для работы по дереву, берестяная коробка для хранения палочек для еды, ритуальный берестяной сосуд, наконечник большого копья, детская лямка, нарукавники).

Это орошские предметы, приобретенные путешественником на реке Зусун, на реке Хор, в районе бывшей Императорской (ныне Советской) гавани (части соболиной ловушки, деревянные маски шаманов, деревянные изделия, коробка-солонка, женская летняя обувь, деревянные ложка и блюдо).

Включены в каталог и предметы, полученные В.К.Арсеньевым от нанайцев в 1907, 1911, 1912 гг. (ритуальная ложка, сосуд

курми, ковш-совок, обувь амурского покроя, группа бурхана До-
онта, бурхан Каазу, Аями-гирка, часть божницы Гирки).

Выявлены якутские предметы (заплечные носилки, берестяной
пояс), корякские (деревянные макеты лодок). Многие же экспона-
ты из-за отсутствия коллекционных описей определить пока не
удалось.

Н.К.Старкова, к.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ИТЕЛЬМЭНЫ: СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ЭТНОГРАФИИ

Историческая судьба и самобытная культура малых народов
Сибири и Дальнего Востока издавна привлекают внимание ученых.
Количество информации по этой проблематике ежегодно увеличива-
ется. И все же нельзя сказать, что ительмэны (численность их
по переписи 1979 г. 1335 чел.), проживающие в настоящее время
в Тигильском районе Камчатской области, изучены в достаточной
степени.

Историю изучения ительмэнов можно разделить на два перио-
да: дореволюционный и советский. Первое знакомство русских с
аборигенами Камчатки произошло в конце ХУП – начале ХУШ в.
Специальное этнографическое изучение их было начато participa-
ми Второй Камчатской экспедиции С.П.Крашенинниковым и Г.В.Стел-
лером. Труды этих исследователей и поныне являются настольными
книгами для всех специалистов, занимающихся историей, этнографи-
ей, топонимикой, языком народностей Камчатского полуострова
начала ХУШ в.

Во второй половине XVIII – начале XX в. сбор материала по истории и культуре коренного населения Северо-Востока Азии продолжался. Это нашло отражение в трудах таких путешественников и исследователей, как Г.А.Сарычев ("Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану"), В.М.Головнин ("Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана"), Б.Лессепс ("Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири"), К.Дитмар ("Поездка и пребывание в Камчатке в 1851-1855 гг. Карла фон Дитмара"), В.Н.Тюшов ("По западному берегу Камчатки"), В.Л.Комаров, В.К.Арсеньев и др. Однако сведения этих авторов о хозяйстве, быте и культуре ительменов отличались фрагментарностью и описательностью.

Лишь после Великого Октября начинается новый период в изучении ительменов. До 50-х годов XX в. публиковались труды общего характера (Е.П.Орлова, М.А.Сергеев и др.). В последние годы вышли специальные исследования по культуре и быту народностей Севера СССР.

Наиболее изучена материальная культура ительменов. В "Историко-этнографическом атласе Сибири" (1961) даны описания жилищ, средств передвижения ительменов. Элементы материальной культуры аборигенов Камчатки рассмотрены в трудах М.Г. Левина, В.В. Антроповой, Г.М.Василевич, Н.Ф.Прытковой. В монографии о материальной культуре ительменов, опубликованной в 1976 г., исследованы все ее элементы, бытовавшие с XVIII в. по 60-е годы нашего столетия. Однако ряд вопросов еще ждет своего решения. Например, о времени возникновения упряжного собаководства у ительменов. Или о бытовавшей в начале XVIII в. одежде из шкур птиц – заимствование это (например, у алеутов) или же подобные одеяния носили они прежде? То же следует сказать и о происхождении метелок

и способов плетения утвари из соломы. Ответ на эти вопросы поможет прояснить историю этнокультурных связей ительменов с другими народами севера Тихоокеанского побережья.

В 60-е-70-е годы советские этнографы стали детальнее изучать общественный строй и социальную организацию, этногенез, духовную культуру народностей Севера. Вышли монографии, освещающие эти проблемы: "Общественный строй у народов Северной Сибири" (1970), "Социальная организация и культура народов Севера" (1974), "Этногенез и этническая история народов Севера" (1975), "Этногенез народов Севера" (1980), "Этническая история народов Севера" (1982) и др.

До сих пор исследователи (М.Г.Левин, И.С.Вдовин, Е.П.Орлова, П.Я.Скорик, И.С.Гурвич, А.П.Володин и др.) не пришли к единому мнению о происхождении ительменов. Одни из них говорят о их местном происхождении, другие - о генетической связи с чукчами и коряками, третьи представляют ительменов выходцами из Центральной Азии и даже с островов Юго-Восточной Азии.

Наименее освещенной в литературе остается духовная культура народности. Почти совсем не изучено их декоративно-прикладное и хореографическое искусство.

В Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР в настоящее время ведутся планомерные исследования ительменского языка. Совместно с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР подготовлен к изданию "Словарь ительменского языка", который явится сводом всех языковых материалов исследователей Камчатки, начиная с С.П.Крашенинникова и Г.В.Стеллера.

Большое практическое и теоретическое значение имеет изу-

чение некапиталистического пути развития и истории социалистических преобразований в жизни народностей Крайнего Севера. Этим вопросам посвящены работы М.А.Сергеева "Некапиталистический путь развития малых народов Севера" (1955), В.Г.Балицкого "От патриархально-общинного строя к социализму" (1969), сборники "Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера" (1970), "Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера" (1971) и др.

В перспективном плане научно-исследовательских работ Института истории ДВНЦ АН СССР к 1985 г. предусмотрена подготовка монографии по истории и культуре ительменов, в которой должны быть рассмотрены все вопросы и аспекты социально-экономического, политического и культурного развития народности.

А.И.Костанов

Ожно-Сахалинский пединститут

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА САХАЛИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

На Сахалине В.К.Арсеньев побывал в августе 1910 г., сопровождая этнографическую экспедицию Л.Я.Штернберга из Николаевска-на-Амуре в Александровск-Сахалинский. В статьях, книгах и докладах Владимира Клавдиевича содержатся различные высказывания и замечания об острове и его коренных жителях. Таким образом, он внес определенный вклад в развитие этнографических исследований на Сахалине и его данные дополняют сведения Л.И.Шренка, И.С.Полякова, Б.О. Пилсудского, Л.Я.Штернберга.

Цель данного сообщения - ввести в научный оборот сведения о деятельности исследователей, чьи заслуги в изучении сахалин-

ских аборигенов менее известны, — Н.В.Рудановского, Ф.М.Депрерадовича, М.М.Добротворского и некоторых других.

Названных исследователей с В.К.Арсеньевым объединяет не только общность научных интересов, но и принадлежность к числу передовых представителей русской военной интеллигенции.

Этнографические работы русских офицеров представлены как опубликованными работами, книгами и статьями, так и рапортами, отчетами и т.п., хранящимися в различных архивах страны (ЦГАВМФ СССР, ЦГАДБ, АНГО, ГАИО и др.). Их научная ценность определяется прежде всего тем, что они в основном относятся к 50-м-60-м годам XIX в. Это было время, когда хозяйственно-бытовой уклад, религиозные верования и язык аборигенов наиболее полно сохраняли свою самобытность.

Начало этнографическим исследованиям на Сахалине было положено русскими морскими офицерами — участниками Амурской экспедиции Г.И.Невельского. Так, Н.К.Бошняк во время путешествия по северной части острова в 1852 г. впервые провел перепись населения в нивхских стойбищах. Н.В.Рудановский в 1853-1857 гг. совершил несколько путешествий по Сахалину, дважды здесь зимовал, в его отчетах подробно описывается быт айнов, приводятся данные о количестве стойбищ и численности их населения. Составленные Рудаковским карты южной и средней части острова представляют большой интерес, поскольку в полной мере отражают айную и нивхскую номенклатуру географических названий середины XIX в., а также дают точную картину расселения коренных жителей.

Определенный вклад в изучение айнов внес и М.М.Добротворский, в 1865 г., по окончании Медико-хирургической академии, назначенный старшим врачом 4-го Восточно-Сибирского линейного

батальона. Пробыв на Сахалине пять лет, он смог хорошо ознакомиться с бытом и верованиями айнов, изучил их язык, провел среди них медицинские обследования. Добротворский опубликовал несколько работ по этнографии айнов и "Айнско-русский словарь" (Казань, 1875), содержащий 2060 слов.

Известно этнографам и имя полковника Ф.М.Депрерадовича, начальника Сахалинского отряда (позднее Южно-Сахалинского округа Приморской области) в 1867-1876 гг. Придавая большое значение установлению дружественных отношений с местным населением, он неоднократно выступал в защиту айнов и нивхов, решительно боролся со злоупотреблениями скупщиков пушнины. В 1870 г. по его инициативе была создана первая на Сахалине аптека для обслуживания местных жителей. Являясь действительным членом Русского Географического общества, Депрерадович опубликовал интересные этнографические заметки. В них довольно обстоятельно описаны различные стороны общественного строя айнов, их хозяйство, быт, религия.

Несмотря на описательный характер этих работ и несовершенство методики исследований, они содержат любопытные этнографические наблюдения, подробные статистические данные, богатый лингвистический и топонимический материал. Все это позволяет считать их важным историческим и этнографическим источником, заслуживающим внимательного изучения.

И.Л.Меркушев
Хабаровский институт
культуры

НИВХСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Дальневосточный край с его богатой историей привлекал к себе пристальное внимание многих ученых, которые с разных точек зрения рассматривали вопросы этногенеза, фольклора, быта, нравов, обычаев, религиозных воззрений аборигенов.

Видное место в этом ряду исследователей принадлежит В.К.Арсеньеву, в научном и литературном наследии которого получили освещение многие вопросы этнографии коренных жителей Приамурья и Приморья, Сахалина и Охотского побережья, Камчатки и Командорских островов.

Проблемы топонимики советского Дальнего Востока затрагивались многими учеными, и все же следует признать, что происхождение географических названий Нижнего Амура и северной и центральной части Сахалина изучено явно недостаточно.

Нивхи с древних времен занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой и собирательством. Их древнейшие занятия нашли отражение в многочисленных топонимах. Река Пиля Вагс (Сахалин) в переводе с нивхского на русский – Большой сиг, река Мать Вагс (там же) – Маленький сиг. Чоми (речка, впадающая в Амурский лиман) – Рыбная речка. Аркево (Сахалин) – Коркишино селение, Лыгиво (Сахалин) – Селение осенней кеты. Туки миф (один из островов Нижнего Амура) – Осетровый остров. Как известно, рыбу нивхи развешивали на сушилах, и перевод названия реки

Чанги (Сахалин) означает не что иное, как Вешала для просушки юкмы.

А сколько названий местностей связано с морским зверобойным промыслом! На Сахалине есть река Лангери – Нерпичья река. Остров Байдукова нивхи называют Лангр-Нерпа. На наличие морского зверя указывает название Набильского залива – Большие животные.

На Сахалине некоторые реки, озера, мысы и горы носят название Ватунг – Бить свуча. Другие названия информируют нас об орудиях морского промысла. Так, например, Клыф Нгалу – Бухта, где ставились сети на тюленей.

Охота на лесного зверя также имела существенное значение в жизни нивхов. Остановимся на таких топонимах, как Ухта, Мхыль, Чалмок (топонимы с этнографической карты Л.И.Шренка, Нижний Амур). Они семантически связаны с охотой на медведя. Ухта – "Ну давай! Держи! Бери", т.е. восклицания во время добычи медведя. Слово "Мхыль" (селение) состоит из двух частей: М-счетный суффикс для полых предметов, Хыль – орнаментированная деревянная посуда из цельного куска дерева (с пиктографическими изображениями событий, происходивших во время охоты на медведя). Чалмок (селение), чалм – основа глагола чалмилъ (прижимать уши – о животном), Мок – табуированное название медведя. Итак, Чалмок можно перевести, как "Медведь, закрой (прижми) уши!"

О роли собирательства в жизненном укладе нивхов напоминают следующие названия: Хагемиф (острова Амурского лимана) – Черемшнные острова; Внахту (залив на Сахалине) – Озеро съедобного морского моллюска; Карк хыр ери (Сахалин) – Речка, у которой ловят саранку; река Клуси (Сахалин) – Место, где собирают тра-

ву киусь для выстилания обуви. На Амуре эту траву называют Киур.

Топонимы рассказывают о первобытных формах религиозных воззрений. По анимистическим воззрениям, о. Сахалин – это живое существо, поэтому север Сахалинцев называют Миф Тёнгр – Голова Земли, а мысы Анива и Крыльон – Миф Нгитъх, т.е. Ноги Земли. Ветер, по религиозным воззрениям этого народа – живое антропоморфное существо и ему присущи характерные черты нивха, т.е. он рыбак, охотник, собиратель. Ады Тымово (селение, Сахалин) – селение Северного низового ветра у нерестилища. Река Лантар (Охотское побережье) – Водное пространство, примыкающее к берегу Ветра-человека. Река Лань (Сахалин) – Ветер-человек. Пилляит (восточный берег Сахалина) – Большой ветер говорит что-то кому-то.

Ветру-человеку, так же как и нивху, служит собака. Река Лакан (Хаб.край) – Собака ветра. Река Таккилакан – Вешала для просушки шкуры собаки ветра. Из работы Л.И.Шренка (Об инородцах Амурского края, т. 3. СПб., 1903, с. 39–40) о нивхах известно, что во время бури они приносили в жертву щенят, а когда это не помогало, стреляли в ветер.

Следовательно, в топонимах отразились существенные стороны материальной и духовной культуры палеоазиатов Нижнего Амура и Сахалина, поэтому они являются надежным историко-этнографическим источником при изучении далекого прошлого региона.

Н.А.Соболевская
Хабаровский краеведческий
музей

ФОЛЬКЛОР НАРОДНОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА,
СОБРАНЫЙ В.К.АРСЕНЬЕВЫМ

Труды В.К.Арсеньева по этнографии явились важным этапом в развитии науки. Ему принадлежит большая заслуга и в изучении фольклора орочей, удэгейцев и нанайцев.

Часть фольклорных сборов В.К.Арсеньева опубликована им (13 сказок, легенд и преданий), часть же, отложившаяся в полевых дневниках, хранящихся ныне в Архиве Географического общества СССР, до сих пор не издана.

Впервые несколько записей преданий орочей были опубликованы В.П.Маргаритовым и Л.Я.Штернбергом. Десять фольклорных текстов В.К.Арсеньева являются вариантами сказок мифов и легенд, изданных этими исследователями.

К записи произведений устного народного творчества орочей В.К.Арсеньев приступил во время экспедиции 1907 г. в южные прибрежные районы Сихотэ-Алиня. В путешествиях 1908-1910 гг. по Центральному и Северному Сихотэ-Алиню он изучал главным образом ороческий и удэгейский фольклор.

В Олгон-Горинской экспедиции 1917/18 г. В.К.Арсеньев сделал записи фольклора нанайцев группы Киле. Из экспедиции 1922 г. по Гижигинскому району он привез несколько корякских преданий.

Анализируя эту часть наследия В.К.Арсеньева, можно выделить 61 фольклорный текст. Из них предположительно 41 орочского и удэгейского происхождения, 11 - нанайского, 3 - корякско-

го, 6 - маньчжурского. Трудность разделения ороцкого и удэгейского фольклора объясняется их близостью и, возможно, общностью в более далеком прошлом.

В полевых дневниках В.К.Арсеньева эти произведения мы находим уже в русском переводе. Известно, что исследователь достаточно хорошо владел удэгейским, отчасти ороцким и нанайским языками.

В.К.Арсеньев не делал записей на языке информатора, а это необходимо для полного их изучения. Сам же он отмечал, что язык поэзии и сказок - "это древний язык эпоса и может быть выяснен только при записывании сказки на туземном языке". В.К.Арсеньев отмечал также поэтическое звучание ороцких сказок: "Язык орочей богат интонацией. Это заметно в особенности у них в сказках, которые они говорят нараспев. "Боляни - боляна", т.е. "давно, очень давно", украшается очень длинной красивой интонацией".

Фольклорный материал, собранный В.К.Арсеньевым, ценен тем, что содержит обширные данные о материальной и духовной культуре дальневосточных аборигенов, восходящие к глубокой древности. Так, Владимир Клавдиевич заметил, что некоторые сказки (особенно шаманские) удэгейцы никогда не рассказывали ночью и вечером, а только днем, потому что верили в их реальность.

Внимательное изучение фольклора дало В.К.Арсеньеву возможность увидеть различия между прибрежными и уссурийскими удэгейцами. "На берегу моря у удэге сказок больше, они полнее... В бассейне Уссури и на Амуре поэзия богаче у гольдов. От них многое уже успели позаимствовать удэге. Все это указывает, что

прибрежный район истари был действительной родиной удэгейцев. Шаманство на берегу моря тоже значительно глубже и полнее". Стремясь постигнуть духовный мир аборигенов, Арсеньев особенно внимательно изучал их религиозные представления.

Владимир Клавдиевич отмечал и некоторые общие закономерности в развитии фольклора. В работе "Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири" (1929) он выявил общность тотемических представлений во многих мифах малых народов Дальнего Востока, Сибири и Северной Америки и даже славян.

В основу жанровой классификации фольклора, собранного В.К. Арсеньевым, нами положены разработки В.А.Аврорина и Е.П.Лебедевой.

Древний дошаманский пласт охватывает родовые, тотемические и космогонические мифы орочей и удэгейцев. В нескольких вариантах повторяется тотемический миф о происхождении их от медведя.

Медведь завещает человеку обряды ритуала, которые сохранялись в той или иной степени почти у всех тунгусоязычных народов. В сказании "Край земли и неба" ворон спасает культурного героя Егду, одновременно способствует возникновению новых видов растений. За это он получает табу. Такое же табу существует у эскимосов Северо-Востока Азии, где широко распространен миф о культурном герое вороне-мироустроителе.

В космогонических мифах и сказаниях "Сказание о солнце", "Уцза", "Кяхта сияянкуни", "Два мира — небесный и подземный", "Край земли и неба" и т.д. вселенная состоит из трех сфер. Небо в виде купола прикрывает землю, соприкасаясь с ней. Возможно, эти представления связаны с древней миграцией на Северо-

Восток центральноазиатских племен, так как подобные космогонические сюжеты известны у якутов и монголов. В то же время необычным является образ антропоморфной раковины – прародительницы всего сущего. Здесь, вероятно, сказались древние контакты аборигенов с народами Тихоокеанского побережья Юго-Восточной Азии.

Вредоносным проявлением силы злых шаманок посвящены мифы "Ненгуй", "Сказание о красных волках", "Шаманское число 7", в то время как в мифах "Онку севохины", "Тору" и других действие шамана (мужское начало) оценивается положительно. Эти шаманские мифы явно более позднего происхождения.

Значительная группа сюжетов – "Предание о скалах Мэка", "Предание о сошке Гугдаманты", "Сказание о Хехцире", "Мыс Китыванг" и др. – связана с топонимикой, анимизмом, культом предков.

Итак, В.К.Арсеньева можно считать собирателем наиболее значительного сводного материала ороцкого и удэгейского фольклора дооветского периода и первых этапов становления советской этнографии.

Н.Б.Кыле, к.филол.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ПОЛЕВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ В.К.АРСЕНЬЕВА

Исследуя традиционную материальную и духовную культуру малых народов Приамурья, Приморья и Северо-Востока Азии, В.К.Арсеньев оставил после себя уникальные фольклорные материалы, отражающие духовный мир удэгейцев, орочей, нанайцев, коряков.

Фольклорные тексты, записанные им, объясняют историю происхождения того или иного рода, его контактов с соседями, восприятие окружающей среды и т.д.

К первой группе фольклорных материалов В.К.Арсеньева относятся материалы, которые сам он называл преданием, сказанием, легендой. Если подойти к ним с позиции самих носителей фольклора, что эти жанры следует называть ТЭЛУН=ГУ: нан. - тэлун=гу, орооч. - тэлуму тэлун=у, уд. - тэлун=у, орок. - тэлун=у. Ко второй группе принадлежат сказки, или НИН=МАН: нан. - нин=ман, орооч. - нинма, уд. - ниманку, орок. - нимта. Каждый из выделенных жанров имеет свои особенности, отличные от жанров, например, славянского фольклора. Они отмечены В.А.Аврориним и Е.П.Лебедевой, исследователями ороочского фольклора: "Нужно сказать, что вообще разграничение жанров ороочского фольклора связано с большими трудностями, так как в одном и том же произведении сплошь и рядом контаминируются элементы двух и более жанров. Так, в родовых преданиях тотемические или космогонические сюжеты оказываются переплетенными с повествованием о действительных событиях"¹.

Интересны по своей трактовке тэлун-гу о происхождении тотемов у нанайцев, удэгейцев и ороочей. В одних вариантах говорится, что тигр стал тотемом после того, как тигрица воспитала мальчика, в других - тигрица воспитывает своего детеныша (женского пола) и мальчика, которые затем становятся мужем и женой. От этого супружества берет свое начало тот или иной

¹ В.А.Аврорин и Е.П.Лебедева. Ороочские сказки и мифы. Новосибирск, 1966, с. 27.

род. Медведь становится тотемом тоже в результате сожителства его с человеком. Тут отцом выступает медведь, матерью – женщина. В подобных талун=гу находим объяснение табу, связанного с тотемным животным.

Своеобразны интерпретации топонимов у орочей и рассказы о их миграции на Сахалин и встречах с другими народностями.

В записях В.К.Арсеньева мы находим своеобразный мотив толкования о происхождении созвездий, например, у Киле, где Луна – мужчина, Солнце – женщина, новолуние – время встречи их, Млечный путь – следы охотника, звезды – женщины или девушки. Если сравнить космогонические предания, записанные Арсеньевым, и записи других исследователей, то они (космогонические талун=гу) идентичны по своему содержанию с талун=гу других тунгусоязычных народностей.

Примечательно предание о Кипкичинской пещере, повествующее о междоусобной борьбе коряков.

Шаманские талун=гу в основном объясняют, каким образом люди становятся шаманами, и дают представление о силе и образе того или иного духа-помощника шамана (сэвенов).

Сказки, собранные В.К.Арсеньевым, могут быть определены как бытовые, сказки о животных и др. Некоторые из них имеют смысл отнести к талун=гу, ибо в них говорится о крае земли и неба, о мире усопших, о происхождении созвездий.

Полевые этнографические записи В.К.Арсеньева являются превосходным материалом, в котором запечатлены особенности древнего миропредставления и восприятия окружающей действительности дальневосточных аборигенов. Необходимо издать их для широкого круга читателей.

Г.А.Остайна, к.филол.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА МАЛЫХ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Устное поэтическое творчество народностей ДВ СССР, эта неотъемлемая часть духовной культуры советского народа, обладает уникальной ценностью: оно является живым, т.е. бытует в настоящее время в отличие от эпических произведений Запада, дошедших до современности в литературной обработке.

Первые общие сведения о дальневосточных племенах и их языках были известны с XVII в. Произведения устного поэтического творчества собирались значительно позднее языковых материалов. До революции были собраны (и частично опубликованы) образцы фольклорных произведений палеосизиатских народов: чукчей (Богораз), коряков (Богораз), ительменов (Богораз), эскимосов (Богораз, Михальсон), алеутов (Михальсон), нивхов (Штернберг, Пилсудский). Фольклор тунгусоязычных народностей был представлен публикациями нанайских текстов (Протодяконов, Лопатин).

Заслугой дореволюционных исследователей является не только сбор и публикация материалов, но и попытка первой научной классификации жанров дотоле неизвестной системы поэтического творчества этносов, живших в условиях доклассового общества.

В советский период было начато интенсивное изучение языков малых народов Сибири и Дальнего Востока. В то же время фольклорные произведения стали собираться не только в качестве материа-

да для лингвистических изысканий, но и как самостоятельная ценность. Исследованиями чукотского фольклора занимался Л.В.Беликов, корякского – С.Н.Стебницкий, А.Н.Жуков, эскимосского – Г.А.Меновщиков, Е.С.Рубцов, А.С.Форштейн, ительменского – Н.К.Старкова, керякского – В.В.Леонтьев, нанайского – В.А.Аврорин, Е.П.Лебедева, М.А.Каплан, Л.И., Д.А.Сем, Н.Б.Киле, эвенкийского – Г.М.Василевич, М.Г.Воскобойников, М.М.Хасанова, Н.Я.Булатова, удэгейского – В.К.Арсеньев, Шнейдер, Д.И.Шейкин, В.Т.Кялундзига, негидальского – Шнейдер, В.И.Цинциус, ороцкого – В.А.Аврорин, Е.П.Лебедева, орокского – Т.И.Петрова, эвенского – В.И.Цинциус, К.А.Новиков, Ж.К.Лебедева, нивхского – Е.А.Крейнович, Ч.М.Таксами, В.М.Санги, Г.А.Отанна, ульчского – В.А.Аврорин, Л.Д. и Д.А.Сем, Н.Б.Киле.

В послевоенные годы были опубликованы сборники фольклорных произведений малых народов в русском переводе (1950, 1959, 1978) для массового читателя, а также осуществлены издания отдельных сказок, переводы с нанайского, ульчского, удэгейского, нивхского языков.

Особую ценность имеют научные публикации фольклора: ороцкого (Аврорин, Лебедева), палеоазиатских народов – "Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки".

Благодаря исследовательским работам определен жанровый состав чукотского, нанайского, эвенкийского, ороцкого фольклора. Опубликованы статьи, в которых проанализированы фольклорные произведения в качестве исторического источника (Ч.М.Таксами, Д.А.Сем, Е.А.Крейнович и др.). Весьма интересны работы теоретического характера, основанные на данных фольклора дальне-

восточных народностей (В.Я.Пропп, Е.М.Мелетинский). Однако до сих пор слабо изучены поэтика традиционного фольклора, особенности функционирования фольклора в современную эпоху, становление новых жанров, взаимодействие фольклора разных народов, формы и виды связи фольклора с самостоятельным художественным творчеством, с профессиональным искусством и литературой.

Кроме того, можно отметить некоторую неравномерность исследований работ: больше публикаций (текстов и исследований) посвящено фольклору палеоазиатских народов и меньше – тунгусоязычным. Практически не изучается фольклор ороков, удэгейцев, ульчей. Таким образом, расширение собирательской и исследовательской работы – главная задача этнографов на ближайшие годы.

М.М.Хасанова, к.филол.н.
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ОБ ИЗУЧЕНИИ НЕГИДАЛЬСКОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА В СССР

Негидальцы – одна из самых малочисленных народностей советского Дальнего Востока СССР (по последней переписи 500 чел.). В настоящее время больше всего негидальцев проживает в Ульчском и имени П.Осипенко районах Хабаровского края.

Первые записки негидальских слов были сделаны в 40-х годах прошлого века А.Ф.Миддендорфом. В 1910 г. 600 негидальских слов записал Л.Я.Штернберг, в 1923 г. негидальско-английский словарь опубликовал П.П.Шмидт.

Фольклорные произведения негидальцев на их языке впервые были записаны В.И.Цинциус и К.М.Мыльниковой во время экспедиции 1926–1927 гг. Впоследствии В.И.Цинциус опубликовала часть этих записей в книге "Негидальский язык" (Л., 1982). В 1961 г. с целью сбора лексического и фольклорного материалов у негидальцев побывали В.Д.Колесникова и О.А.Константинова. Собранные ими лексические материалы вошли в "Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков" (т. I, Л., 1975; т. II, Л., 1977).

Негидальский язык относится к северной ветви тунгусо-маньчжурской группы, поскольку чрезвычайно близок к эвенскому и эвенкийскому языкам. В то же время в нем прослеживается и сходство с языками южной ветви тунгусо-маньчжурской группы (например, переход Р в другие звуки, как в удэгейском языке, общий лексический слой и пр.).

Фольклорные произведения негидальцев весьма самобытны. В них можно выделить древнейший тунгусский пласт и более поздние нивхские заимствования. В своем устном народном творчестве негидальцы выделяют до 10 жанров. Мы остановимся на наиболее важных с нашей точки зрения: талун (сказка, героическая сказка), улгуй (предание), хэдё (хороводные припевы), одяви (запреты), нэнэвкэн (загадки). Миф, как самостоятельный жанр в фольклоре негидальцев, нам не известен – встречаются лишь мифологические мотивы к талун.

Ныне весьма актуальна проблема сохранения традиционной культуры негидальцев и в первую очередь их языка и фольклора. Задача исследователей конца XX в. состоит в том, чтобы собрать максимум языковых, фольклорных, этнографических материалов, пока это еще возможно.

Г.В.Алексеева

Хабаровский институт культуры

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НЕГИДАЛЬЦЕВ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Первые советские публикации о негидальцах появились вскоре после восстановления Советской власти на Дальнем Востоке. Авторами их были сотрудники Дальневосточного земельного управления И.И.Гапанович, В.П.Литвинцев и Н.Н.Радаев, в 1923-1925 гг. обследовавшие охотничьи угодья на Нижнем Амуре. Они дополнили сведения о хозяйственном быте и культуре негидальцев, их численности с разбивкой по селениям и опубликовали результаты своих исследований в 1926 г. в сборнике "Экономическая жизнь ДВК". Позднее, когда завершилось сплошное обследование хозяйств Хабаровского и Николаевского-на-Амуре округов, в свет вышел сборник "Туземное хозяйство в низовьях Амура. 1927-1928 гг." (изд-во ДВК, стат. отделение Хабаровск-Благовещенск, 1929).

В 1926-1927 гг. у негидальцев побывали студенты-дипломантики этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета В.И.Цинциус и К.М.Мыльников. Этнографы по образованию, они дали наиболее точные сведения об этой народности.

В 1935 г. население бассейна Амгуни изучалось сотрудниками Амгунского отряда Амурской комплексной экспедиции. Данные этих исследований дополнили уже известные сведения.

Уже после Великой Отечественной войны, летом 1956 и 1957 гг., народности, населяющие бассейн Нижнего Амура и районы Амур-

ского лимана, изучала этнограф Е.П.Орлова. Она отметила, что за 30 лет, прошедших со времени работы последних экспедиций, в расселении негидальцев произошли большие сдвиги.

Очень много внимания изучению негидальцев уделила А.В.Смоляк, известный специалист по этнографии ульчей. Полевые материалы, собранные ею еще в 1947 г., в 1965 г. были дополнены. По ее словам, за этот период в жизни негидальцев произошло еще больше перемен. Исследовательница обратила внимание на их стойкость в этническом отношении, развитое национальное самосознание. А.В.Смоляк считает, что негидальцы отличные рыбаки и не уступают в этом своим тунгусоязычным соседям — ульчам и нанайцам.

Вопросы происхождения народа — проблема сложная. Требуются еще исследования языка негидальцев в историческом плане, их материальной и духовной культуры, тщательное изучение топонимики, археологических материалов. Большую роль в решении проблемы этногенеза негидальцев могут сыграть археологические раскопки на Амгуни и в районе от устья Амгуни к устью Амура.

Дальнейшие исследования должны вестись этнографами в содружестве с лингвистами и археологами. Без этого условия окончательное решение важнейших проблем этногенеза негидальцев невозможно.

П.Я.Гонтмахер, к.и.н.

Хабаровский институт физической культуры

Н.А.Соломонова, к.и.н.,
член Союза композиторов СССР

Хабаровский институт культуры

В.К.АРСЕНЬЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДНОСТЕЙ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ

На протяжении всей своей научно-исследовательской, педагогической и литературной деятельности В.К.Арсеньев интересовался художественной культурой народностей Приамурья и Приморья¹. Так, в одном из его дневников (1914–1925) помещены изображения лошади и оленя, вырезанные эвенками из бересты в традиционном стиле народного искусства. Хорошо переданы движение и характер натур. В технике аппликации работал эвенкийский художник С.А.Надеин (см. публикацию о нем: Н.В.Кочешков, П.Я.Гонтмахер. С чего начинается Родина. – Дальний Восток, 1971, № 11, с. 112–115). Эти рисунки-аппликации исполнялись специально для детей и служили им своеобразными игрушками. Подпись под ними гласит: "Рисунки тунгусов для детей". Находим

¹ В.К.Арсеньев был обладателем большой и ценной библиотеки. Анализ ее состава позволяет выявить научные и литературные интересы ученого и писателя. Около восьмисот книг находятся в библиотеке Приморского филиала Географического общества СССР (с 1939 г.). Больше всего среди них литературы по истории, культуре, искусству, этнографии малых народов (см. об этом публикацию автора: Личная библиотека В.К.Арсеньева. – Дальний Восток, 1978, № 9).

мы в дневниках путешественника и зарисовки эвенкийского орнамента. Там же высказываются оригинальные суждения о происхождении, истоках и эволюции орнамента народностей Приамурья и Приморья.

Владимир Клавдиевич сделал ряд подробных записей об одежде нанайцев, головных уборах и обуви шаманов, тщательно проанализировал декор ажурных металлических подвесок, воспроизвел в графике культовую посуду, скульптуру малых форм, образцы архитектурного орнамента. В его дневниках описаны также весьма редкие по конфигурации амулеты нанайцев.

В.К.Арсеньевым собрана богатая коллекция художественных произведений дальневосточных аборигенов, хранящаяся в Хабаровском краеведческом музее. Это оригинальные изделия из дерева, рыбьей кожи, бересты. Многочисленные образцы их хранятся также в музеях Москвы, Ленинграда, Новосибирска, в Приморском краеведческом музее имени В.К.Арсеньева.

В дневниках путешественника немало уникальных материалов по музыкальной культуре народностей советского Дальнего Востока. В литературе В.К.Арсеньев отражены многие его интересы: как этнографа, археолога, географа, писателя, но совершенно не освещается вопрос о В.К.Арсеньеве – исследователе музыкальной культуры малых народов края. А ведь специалистам известно, что в дневниках, статьях, книгах он постоянно обращался к анализу духовной жизни аборигенов, восхищался их тонким художественным вкусом, способностью к изобразительному творчеству, музыке, театрализованным действиям, играм, танцам и т.д.

В.К.Арсеньев пришел к выводу, что для фольклора и музы-

кального инструментария малых народов характерно много общих черт, так как эти народности долгое время проживали по соседству, имели сходные быт, хозяйство, культуру, психологию. В то же время исследователь подчеркивал, что художественное творчество каждой народности имеет свои особенности. Особенно его интересовала музыкальная культура удэгейцев. Арсеньев не только выявил своеобразие их песен и танцев, но и охарактеризовал музыкальные инструменты: бубен, варган, однострунную скрипку, описал их конструктивные особенности, тембр и диапазон звучания. Для современных исследователей важны зарисовки музыкальных инструментов, сделанные путешественником в дневниках на высоком профессиональном уровне. Эти ценные источники еще недостаточно используются историками, этнографами, инструментоведами.

Научный анализ их поможет показать музыкальное творчество народностей советского Дальнего Востока в диалектическом развитии, углубит наше понимание многовековых традиций художественной культуры удэгейцев, нанайцев, орочей, эвенков.

Н.В.Кочешков, д.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ МАЛЫХ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Советский Дальний Восток с древних времен населен азиатскими эскимосами, чукчами, коряками, ительменами, юкагирами,

эвенками, эвенами, негидальцами, нивками, ороками, орочами, нанайцами, ульчами, удэгейцами. Каждая из этих народностей донесла до наших дней свою самобытную материальную культуру и декоративное искусство. Традиции этого искусства развиваются на новой основе и в новых условиях.

Произведения народного декоративного искусства привлекает внимание широкой общественности не только своим ярким своеобразием и наличием традиционной специфики, но и своей удивительной перекличкой с современностью, возможностью применять их в условиях сегодняшнего дня без существенных изменений. Они и сегодня продолжают воспитывать художественный вкус у населения.

К сожалению, еще не так давно многие ценные традиции народного декоративного искусства у некоторых народностей либо угасали (резьба по кости и дереву у коряков, роспись по дереву у нанайцев, ульчей и нивхов, национальный орнамент у ительменов), либо находились под угрозой угасания (традиционное искусство ороков, орочей, негидальцев, эвенков) в результате невнимания и даже пренебрежения со стороны местных организаций, отвечающих за судьбу народных художественных промыслов.

Качественно новый этап в развитии народного искусства открыло постановление ЦК КПСС "О народных художественных промыслах", принятое в декабре 1974 г., которое стало основой плановой и многообразной работы по совершенствованию организационной структуры промыслов, повышению их идейно-творческого уровня, расширению ассортимента и улучшению качества изделий. В постановлении даны конкретные предложения и разработаны неотложные меры по дальнейшему развитию национального декоративного искусства, устранению недостатков, среди которых отмечены утра-

та связи с традициями народного творчества и снижение уровня индивидуального мастерства.

За последние годы многое в состоянии народных художественных промыслов советского Дальнего Востока коренным образом изменилось в лучшую сторону. Помимо чукотско-эскимосских мастеров из Уэлена на выставках теперь участвуют негидальцы, изготавливающие ковры из птичьих шкур в технике мозаики, эвены — мастера по изготовлению нарядных одежды, обуви, ковров из меха, корякские мастерицы по художественной обработке меха и кожи, нанайцы и ульчи, национальные халаты и ковры, берестяные туески и чаши которых давно уже вызывают восхищение знатоков искусства северян.

Следует отметить, однако, что такое оживление в творчестве народных мастеров и мастериц наблюдается далеко не везде. Работа с ними пока еще не ведется в Приморском крае, Камчатской и Амурской областях, недостаточное внимание уделяется художественным промыслам и в Корякском автономном округе. Существенным недостатком в подготовке художников из представителей малых народов является то, что ни в одном художественном училище Дальнего Востока и ни в одном художественном вузе не ведется в должной мере работа с национальной молодежью. В большом долгу перед северянами и наши ученые-искусствоведы и этнографы. До сих пор не имеется монографий по искусству каждой народности советского Дальнего Востока, отсутствуют также книги-альбомы, которые могли бы служить хорошим методическим подспорьем для молодых мастеров, решивших посвятить свою жизнь бережному сохранению и дальнейшему развитию лучших традиций национальной художественной культуры.

Этнографам, искусствоведам и опытным мастерам-художникам необходимо пробудить интерес у молодежи к самому процессу рукотворного исполнения художественных изделий, показать ей на примере лучших произведений национального искусства, как умели работать их предки, всемерно развивать у нее тонкий художественный вкус, а также сознание того, что она, молодежь, способна создавать высокие эстетические ценности.

В большем внимании к народным художественным промыслам, к их организации и к нуждам мастеров, в умелом сочетании моральных и материальных стимулов, в широкой пропаганде народного творчества следует видеть залог дальнейшего подъема творчества коренных народностей советского Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КНИГОВЕДЕНИЕ

С.Ф.Крившенко, к.филол.н.
 Дальневосточный государствен-
 ный университет

А.М.ГОРЬКИЙ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Советская литература на Дальнем Востоке развивается как органическая, неотъемлемая часть всей многонациональной советской литературы. Единая по своему методу, методу социалистического реализма, она одухотворена идеей коммунизма, ее душой стали принципы коммунистической партийности и народности.

Богатство нашей литературы – это и богатство творческих индивидуальностей, богатство национальных литератур, богатство развития литературы повсеместно. Мы изучаем своеобразие, "лица необщее выражение" того или иного писателя, и это помогает видеть литературу во всем многообразии талантов, видеть вклад творческой личности в литературный процесс, в создание эстетических ценностей. Мы изучаем проблемы развития национальных литератур, возникновения и расцвета литератур младописьменных народов, проблемы взаимовлияния и взаимообогащения литератур – и это тоже постижение общих закономерностей нашей советской многонациональной литературы. Назрела необходимость – и на практике во многом это уже осуществляется (например, выход двухтомника "Очерков русской литературы Сибири") – поставить во всем наиболее значительном ее объеме проблему изучения еще одного органичного и существующего в реальности образования – литературы регионов, в частности советской литературы Дальнего Востока.

Эта проблема весомо прозвучала уже в выступлении А.М.Горького на I съезде советских писателей в августе 1934 г. (в нынешнем году исполняется 50 лет со дня этого знаменательного события). О "старой" русской литературе Горький в 1931 г. писал, что она "была по преимуществу литературой Московской области". На I съезде советских писателей, говоря о тематической ограниченности дореволюционной литературы, Горький настоятельно советовал добиваться расширения и углубления тематики нашей литературы, охвата ею самого широкого круга явлений действительности настоящего и прошлого. Особенное значение он придавал теме социалистического созидания. "То, что делается человеческим трудом в нашей стране сейчас, — писал Горький, — это же совершенно фантастично, сказочно. Мы не умеем охватить всей картины строительства. Мы не знаем, что делается где-то на Колыме, в Ср. Азии, на островах Арктики — везде, где работает... создающая сила..." (А.М.Горький. О литературе. М., 1935, с. 50). Проблему роста всей советской литературы Горький ставил широко и масштабно. Большую роль он отводил критике, в том числе ее влиянию на литературу всех краев и областей. "Критики, — говорил он на съезде, — не интересуются ростом литературы областной, не говоря о союзной" (там же, с. 388). В заключительной речи Алексей Максимович еще раз возвращается к этой проблеме и по-особому подчеркивает значение успешного развития советской литературы Сибири и Дальнего Востока (он включал его в понятие "Восточная Сибирь"). "Нам, — говорил Горький, — необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах центра, учитывать ее значение как организатора культуры".

В этой связи следует по-новому взглянуть на отношение А.М.Горького к творчеству В.К.Арсеньева. Надо сказать, что и сегодня при наличии целого ряда ценных исследований (В.Пузырева, И.Кузьмичева, Н.Старовойтова и др.) мы еще недооцениваем Арсеньева как создателя своеобразной трилогии – "По Уссурийскому краю", "Дерсу Узала", "В горах Сихотэ-Алиня". Горький проявлял интерес и к другим писателям-дальневосточникам. Беседуя с Т.М.Борисовым, он советовал: "Ваш край подтягивайте к центру хорошими художественными произведениями".

Горьковская мечта претворена в жизнь: наша литература раздвинула свои горизонты до изображения жизни всех краев и областей страны. Великий Октябрь, наш социалистический образ жизни возродил и вывел на орбиту советной и мировой культуры национальные литературы, в том числе литературы малых народов советского Дальнего Востока. Назрела необходимость изучить литературу Дальневосточного региона, дать читателю не отдельные исследования об отдельных авторах, а целостную работу по истории советской литературы Дальнего Востока. Советским литературоведением изучены во многом литературы малых народов Дальнего Востока (работы Д.Романенко, Б.Комановского, М.Пархоменко, Д.Шпригова, Л.Якимовой и др.). Однако и здесь не все сделано. Критика отнюдь не всегда в полной мере воздает должное тем или иным писателям, работавшим в регионе, не доходит до многих произведений так называемого среднего художественного уровня, которые, по словам М.Б.Храпченко, занимают основное место во всей "творческой продукции". Так, в "Истории русской советской литературы" и в "Очерках истории русской советской журналистики" нет ни одной страницы, посвященной журналу "Дальний Восток".

На Дальнем Востоке созданы романы о революции и гражданской войне, о трудовом подвиге дальневосточников в годы пятилеток и Великой Отечественной войны, получили признание "морской" роман. И проблематика, и жанровое своеобразие литературы региона требуют появления работы обобщающего характера, а она может быть создана только усилиями исследователей советского Дальнего Востока.

Л.Я.Иващенко, к.и.н.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВНЦ АН СССР

А.М.ГОРЬКИЙ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ В.К.АРСЕНЬЕВА

Писатель Арсеньев родился позже Арсеньева-исследователя. Но мировую славу ему принесли именно его литературно-художественные произведения.

В 1926 г. акционерное общество "Книжное дело", одно из отделений которого находилось во Владивостоке, выпустило "В дебрях Уссурийского края" В.К.Арсеньева. Как свидетельствует сам автор, книга "В дебрях Уссурийского края" явилась кратким переложением его книг "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала". Книга была по достоинству оценена тонким знатоком природы писателем М.М.Пришвиным, который послал ее А.М.Горькому в Сорренто.

С того времени А.М.Горький принимал самое непосредственное участие в творческой судьбе писателя-дальневосточника. Хотя их заочное знакомство состоялось лишь во второй половине 20-х го-

дов, поддержка нашего земляка великим пролетарским писателем способствовала популяризации произведений В.К.Арсеньева в нашей стране. Прочтя "В дебрях Уссурийского края", А.М.Горький в письме И.А.Груздеву писал, что во Владивостоке вышла прекрасная книга В.К.Арсеньева, и советовал переиздать ее в Лентизе, что, по его словам, будет редким подарком грамотным людям. В этом письме он впервые охарактеризовал В.К.Арсеньева как "счастливое соединение Брэма с Ф.Купаром".

Между А.М.Горьким и В.К.Арсеньевым началась непосредственная переписка. А.М.Горький, по его словам, читал "В дебрях Уссурийского края" с великим наслаждением и был "увлечен и очарован" изобразительной силой этого произведения.

Переписка Горького с Арсеньевым подтверждает, что Алексей Максимович ценил как исследовательский, так и писательский талант нашего знаменитого земляка. В то же время он сумел увидеть в нем человека, способного дать своему читателю увлекательные книги о Дальнем Востоке.

Как известно, еще в Италии А.М.Горький задумал создать журнал, который бы показывал размах социалистического строительства в нашей стране в целом и в отдельных ее регионах. Такой журнал под названием "Наши достижения" начал выходить в 1929 г.

Алексей Максимович предлагал Владимиру Клавдиевичу организовать статьи о культурной и промышленной жизни региона, а также взять на себя труд по составлению специального сборника "Дальний Восток". На просьбу А.М.Горького подготовить сборник об Уссурийском крае и "сорганизовать еще два-три сборника по областям Дальнего Востока" В.К.Арсеньев ответил согласием.

Смерть В.К.Арсеньева глубоко потрясла А.М.Горького. В адрес Дальневосточного научно-исследовательского института он направил телеграмму с выражением сердечного сочувствия "друзьям и соратникам" "талантливого человека, неутомимого исследователя Уссурийского края". Чувство скорби прорвалось у него и в письме Н.Чертовой от 12 сентября 1930 г.

Переписка А.М.Горького и В.К.Арсеньева с годами приобретает все большую значимость. В совокупности с другими фактами она позволяет совершенно ясно увидеть выдающуюся роль, которую сыграл великий пролетарский писатель в творческой судьбе исследователя и певца Уссурийского края.

О.В.Маркова

Хабаровский институт культуры

ПОРТРЕТ В.К.АРСЕНЬЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Трудно представить культурно-исторический облик советского Дальнего Востока без имени В.К.Арсеньева.

В настоящее время имеется большой фактический материал о личности знаменитого путешественника и писателя — около сорока свидетельств современников и более двадцати серьезных научных работ (от публикации 1930 г. профессора Ф.Ф.Аристова до книги И.С.Кузьмичева, вышедшей в свет в 1977 г.). Как видим, достаточное основание для издания сборника "В.К.Арсеньев в воспоминаниях современников". Но эти прижизненные воспоминания не систематизированы, действительное в них еще не отделено от многочисленных легенд.

Серьезного внимания заслуживают арсеньевские портреты В.Г.Лидина, встречавшегося с автором "Дерсу Узала" в Москве в 1928 г., В.Г.Финка, суждения о В.К.Арсеньеве С.М.Бытового — одного из редакторов журнала "На рубеже", и, наконец, книжа-портрет И.С.Кузьмичева, где сделана попытка подвести определенные итоги и от фрагментарного видения личности Арсеньева подойти к концептуальному. Особый интерес представляет поэтическое решение темы "Арсеньев" в стихах Г.Халилецкого (1946), Г.Корешова (1946) и других дальневосточных поэтов.

По глубине обобщений и уровню художественности очерку В.Г.Лидина (В.Л и д и н. Люди и встречи. М., 1961) должно принадлежать одно из первых мест в галерее портретов В.К.Арсеньева. Воспоминания писателя органично вписываются в панораму общественной и литературной жизни края, Владимир Клавдиевич показан здесь в самом широком контексте времени. По мнению Лидина, Арсеньев "принадлежал к тому типу неутомимых, никогда не успокоенных русских людей, какими были Пржевальский или Миклухо-Маклай, или мореходы вроде Невельского... Все отдано интересам родного народа, наукам..." Лидина отличает особая лепка "собственно портрета" Арсеньева, самого психологизированного из всех дошедших до нас: "Было в его сухопавой, подтянутой фигуре многое от строевого офицера, но еще больше от охотника. Его энергичное лицо с глубокими складками на щеках, глаза в том особенном прищуре, какой бывает только у людей, привыкших много смотреть вдаль, — моряков, летчиков, охотников... — все это было того порядка, когда понимаешь, что не очень охотно пускает он в себя и по старой привычке — приглядываться к людям — должен Арсеньев хорошо раскусить встречного, прежде

чем так или иначе раскрыться". Такие люди "всегда кажутся несколько суховатыми...", но это обманчивое впечатление.

Может показаться, что В.Г.Лидину противоречит свидетельство В.Г.Финка (В.Ф и н к. Литературные мемуары, М., 1968). Но портрет Арсеньева создан Финком в ином, лирико-романтическом ключе, и образ героя увиден им в ином ракурсе. Насколько герой Лидина эпичнее, настолько же герой Финка мягче, лиричнее, он вписан в стихию, родственную ему, в "первозданный беспорядок" дальневосточной тайги. Поэтому душевные движения и жесты Арсеньева здесь мягче, естественнее. В гражданственности звучания арсеньевский портрет Финка не уступает образу, созданному Лидиным, а изучение деятельности автора "Дерсу Узала" для малых народов Дальнего Востока выявлено здесь даже глубже, но главное внимание все-таки сосредоточено на анализе нравственного начала: "Я угадывал в Арсеньеве личность высоко-го морального порядка".

Портрет В.Г.Финка динамичнее, "техничнее". Благодаря введенным в повествование свидетельствам других людей, хорошо знавших Арсеньева, например профессора В.М.Савича, портрет получился объемным, выразительным. "На Дальнем Востоке и в Сибири у Арсеньева своя, особая слава, и почти легендарная, - говорит этот верный соратник Владимира Клавдиевича, - это просто-напросто слава доброго человека".

Портрет Финка интересен еще и тем, что образ Арсеньева художественно осмыслен и органично введен в систему художественного мира, ассоциативно сближается с рядом чеховских героев - русских интеллигентов, тружеников и мечтателей, устремленных всеми помыслами к России будущей.

С.М. Бытовой (С.Бытовой. От снега до снега. Л., 1974), приехавший на Дальний Восток уже после кончины В.К. Арсеньева, оставил свидетельства иного плана. Он страстно утверждает мысль о невозможности писательского бытия на советском Дальнем Востоке без глубокого знания арсеньевских книг — этой своеобразной научно-художественной энциклопедии края. Писатель не довольствуется изложением мнений об Арсеньеве Горького, Фадеева, Комарова, Кулыгина. Восхищаясь выразительностью и простотой арсеньевской прозы, Бытовой предоставляет слово самому Владимиру Клавдиевичу, щедро цитируя выдержки из его произведений. Без усвоения наследия Арсеньева совершенно немыслима вся последующая литература о Дальнем Востоке — заключает С.М. Бытовой.

Личность Арсеньева сложна, многогранна, и тем более назрела необходимость в изучении свидетельств современников о его жизненном и творческом подвиге.

З.В. Яценко, к. филол. н.

Хабаровский институт культуры

СВОЕОБРАЗИЕ СТИЛЯ КНИГ В.К. АРСЕНЬЕВА "ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ" И "ДЕРСУ УЗАЛА"

В книгах "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала" В.К. Арсеньев рассказывает о своих путешествиях по Сихотэ-Алиню в 1906 и 1907 гг., обогативших науку ценнейшими сведениями по самым разным отраслям знаний. Однако считать указанные произведения только научными трудами нельзя. Автор оперирует не только научными понятиями, но и широко пользуется художественным инструментарием.

Индивидуальный стиль писателя Арсеньева — явление сложное и недостаточно глубоко изученное. Попытки исследования этой темы были предприняты в ряде работ, в первую очередь в статье К.П.Хомутовой "К вопросу о методологии художественного творчества В.К.Арсеньева" (Ученые записки Хабаровского пединститута. Серия "Филология". Хабаровск, 1963, т. 10, с. 95-108) и в особенности в книге И.С.Кузьмичева "Писатель Арсеньев" (Л., 1977). К.П.Хомутова, анализируя книги Арсеньева и сопоставляя их с произведениями русской классики, доказывает, что он владел реалистическим методом изображения действительности и что сравнение его А.М.Горьким с Ф.Купером не совсем правомерно. И.С.Кузьмичев, прослеживая эволюцию замысла Арсеньева в процессе творчества, помогает понять, как определялись сюжетные контуры, жанровые и структурные особенности его произведений.

В июле 1910 г. В.К.Арсеньев писал Л.Я.Штернбергу о своих творческих планах: "Первую часть я думаю исключительно написать в научно-литературном духе. Туда войдут географические описания, статистика, описание самих путешествий, маршруты и все то, что касается наших инородцев (орочей главным образом). Вторая часть чисто научная. Туда войдут и зоология, и ботаника, астрономия, метеорология и геология" (цит. по: И.Кузьмичев. Указ. соч., с. 129). "Он не собирался сочинять; — утверждает Кузьмичев, — повесть или роман, не рассматривал будущее произведение как балетристику; писать в духе и "научном" и "литературном", по всей видимости, значило для него — рассказывать не только о достигнутых результатах, о тех или иных фактах, а и проследить сами маршруты, следуя за путевыми дневниками" (там же, с. 129-130).

Замысел создать специальную книгу об орочах не был до конца осуществлен. Однако интерес к жизни коренного населения Дальнего Востока привел Арсеньева к неожиданному открытию себя как художника слова. Созданный им образ гольда Дерсу Узала стал заметным явлением в русской литературе. Сujet и композиция произведений писателя-путешественника в значительной мере определялись путевыми дневниками, а дневниковые записи — маршрутом путешествия и увиденным и пережитым в дебрях Уссурийского края.

Необычность стиля произведений ученого и одновременно писателя сказалась прежде всего в отборе лексики и фразеологии. "Первозлементом литературы, — подчеркивал А.М.Горький, — является язык". Язык произведений Арсеньева своеобразен и необычен. Это диктуется оригинальностью жанра его произведений, имеющих научное и художественное значение: здесь можно встретить и научную терминологию, и разговорную речь, и лексику аборигенов. В то же время Арсеньев использовал литературный язык, которому свойственны эмоциональность и образность. Однако понятие стиля не сводится только к языковому своеобразию произведения. Стиль — это, говорят, человек, это способ изложения, это творческая индивидуальность. Стиль Арсеньева вырабатывался под воздействием реалистического метода русской литературы и его мировоззрения.

Работа К.П.Хомутовой представляет определенный интерес для постижения стиля Арсеньева как писателя-реалиста, воспроизводящего жизнь во всей сути.

В емком понятии "стиль произведений Арсеньева" нельзя не отметить и такую особенность его, как сплав стилевых течений

публицистики и художественной прозы. Публицистику нередко считают эпическим жанром. Однако это не так, ибо она представляет самостоятельный способ познания и отражения действительности, а также воздействия на общество.

Опираясь не только на понятия, но и на образы, публицист располагает широкими возможностями в создании образа. Однако образы публицистических произведений имеют свою специфику: в них автор зачастую использует словесные образы, образные выражения, а также образ-картину. Вся эта образная система художественной публицистики встречается в произведениях Арсеньева. Однако он наряду с научностью, публицистической заостренностью свободно владел и приемами художественной литературы: пейзажными и портретными зарисовками, авторской характеристикой, психологическим анализом, необходимым для создания образа-типа. Следует также отметить, что своеобразие стиля произведений В.К.Арсеньева "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала" обусловливается особенностями таланта автора — ученого, путешественника, писателя.

Г.Д.Стрельцова
Хабаровский институт культуры

В.К.АРСЕНЬЕВ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

"Дальний Восток стал для меня второй родиной", — писал В.К.Арсеньев. Он прибыл на Дальний Восток, "чтобы исследовать край, а впоследствии делиться с людьми виденным, своими впечатлениями и воспоминаниями" (Неопубликованные письма В.К.Арсеньева. — Дальний Восток, 1963, № 3).

Первое упоминание о попытке Владимира Клавдиевича писать для детей относится к 1917 г. В одном из писем он делится замыслом создать цикл этнографических рассказов для юных читателей.

Спустя много лет, уже в 1928 г., литератор И.И.Халтурин предложил В.К.Арсеньеву переработать книгу "В дебрях Уссурийского края" для детей. Владимир Клавдиевич сказал ему, что найцы и удэгейцы, эти превосходные следопыты, ничуть не хуже индейцев, книгами о жизни и приключениях которых захватываются подростки. Однако подготовка к новой экспедиции отвлекла Арсеньева от работы над книгой, и он поручил осуществить ее адаптацию Халтурину. Так появился новый, сокращенный примерно вдвое вариант "Дерсу Узала", позднее переведенный на языки многих народов СССР и за рубежом.

Через несколько лет И.И.Халтурин подготовил еще одну книгу В.К.Арсеньева для детей — "Встречи в тайге". В основу ее легли дневниковые записи и некоторые художественные произведения Владимира Клавдиевича. Не так давно эта книга была переиздана Хабаровским книжным издательством массовым тиражом.

В.К.Арсеньеву был известен интерес А.М.Горького к детской литературе. В письме от 19 февраля 1930 г. мы узнаем, что им было послано письмо Горькому с текстом детского рассказа о зайце.

В.К.Арсеньев очень любил детей и поддерживал с ними дружеские связи. Одна из его бывших корреспонденток тех лет, И.В.Кенарская вспоминает о самых счастливых минутах своего детства, когда она с отцом читала книгу В.К.Арсеньева "В дебрях Уссурийского края". Отец по просьбе Иры написал письмо, на которое В.К.Арсеньев не только сразу же ответил, но еще и прислал фото-

графии. Особенно он радовался тому, что девочке книга понравилась: "... Я очень буду рад, если ваша дочка напишет мне письмо. Я ей отвечу..." (И.В.К е н а р с к а я. Два письма В.К.Арсеньева. - География в школе, 1973, № 5).

В.К.Арсеньев часто выступал в дальневосточной детской периодике. В 20-е годы в регионе выходила пионерская газета "Знамя пионера". В 1930 г. в газете была помещена обширная статья о значении творчества В.К.Арсеньева. Как оказалось, незадолго до смерти писатель прислал в редакцию "Знамени пионера" письмо, где изъявил желание сотрудничать с отделом краеведения. Ранее его статьи и очерки печатались в разделе "Красная хрестоматия", где, рассказывая о разных районах Дальнего Востока, он популяризовал этнографические знания.

В рассказах и очерках В.К.Арсеньева, опубликованных в газете, нередко идет речь о жизни детей. Так, в рассказе "Дети тайги" мы читаем: "Время от времени ребятишки забегали в крту и грели у огня свои озябшие ручонки. Я удивился, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и головного убора, они таскали мороженую рыбу и, казалось, нимало не страдали от стужи" (Знамя пионера, 25.I.1925). Воспоминания В.К.Арсеньева о своих экспедициях, которые часто публиковались в газете, приобщали детей к познанию природы советского Дальнего Востока, воспитывали у них высокие нравственные качества.

Любовь к детям писатель пронес через всю свою жизнь. Это подтверждает Анна Константиновна Арсеньева. Р.Г.Пермяков в книге "Тропой женихеня" приводит ее воспоминания о том, как В.К.Арсеньев, будучи директором Хабаровского краеведческого музея, открывал его двери школьникам в любое время.

Книги В.К.Арсеньева вошли в золотой фонд советской детской литературы, прививая юным читателям чувство любви к родному краю, с которого начинается Родина.

Е.Е.Небрак, к.филол.н.
Хабаровский институт культуры

В.К.АРСЕНЬЕВ КАК ЧИТАТЕЛЬ

Современное книговедение исходит из того, что чтение является важнейшим фактором формирования мировоззрения и одним из средств постоянного самообразования и совершенствования профессиональных знаний и навыков. В этом плане особый интерес представляет исследование круга чтения выдающихся общественных деятелей, а также деятелей науки, литературы, искусства.

Личность В.К.Арсеньева в немалой мере сформировалась под влиянием чтения книг о путешествиях и географических открытиях. В круг его детского чтения входили описания путешествий Н.М.Пржевальского, статьи из журналов "Вокруг света" и "Природа и люди". Позже он начинает увлекаться сочинениями Э.Реклю, книгами Ч.Дарвина. В пикерском училище Владимир Клавдиевич хорошо изучил "Географическо-статистический словарь" П.П.Семенова-Тян-Шанского.

Позднее, во время службы в польском городе Ломже, он продолжал целенаправленное изучение географической литературы о Восточной Сибири. Настольными книгами его становятся "Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии", издававшиеся Генштабом, "Описание Амурской области" (1894)

Г.Е.Грум-Гржимайло, "Путешествие в Уссурийском крае" Н.М.Пржевальского, "Наш Дальний Восток" Д.И.Шрейдера.

На Дальнем Востоке В.К.Арсеньев сближается с известными краеведами Н.А.Пальчевским, Н.В.Кириловым, В.П.Маргаритовым, Н.В.Слюняевым, М.Г.Шевалевым и другими, которые повлияли на формирование его как исследователя. Позднее Л.Я.Штернберг, видный ученый-этнограф, снабжал его литературой по этнографии Сибири и Дальнего Востока.

Любимыми книгами Арсеньева в период службы его во Владивостоке были "Записки" архимандрита Палладия, труды Иакинфа Бичурина и Ф.Ф.Буссе.

В Хабаровске, где В.К.Арсеньев занял должность директора Хабаровского краеведческого музея, он имел возможность ознакомиться с библиотекой музея, фонды которой насчитывали 60 тыс. томов. По свидетельству самого Арсеньева, за семь лет (с 1910 по 1916 г.) им было прочитано книг больше, чем за всю прежнюю жизнь. В 1913 г. он организовал кружок, члены которого обменивались мнениями о прочитанном. В частности, членом кружка был иный М.К.Азадовский, впоследствии известный ученый-сибиревед.

Как видим, обширная эрудиция исследователя, и поныне вызывающая удивление, явилась результатом упорной многолетней работы. Изучение списков использованной литературы, помещенных в послевоенном собрании его сочинений, позволяет выявить и проанализировать круг чтения В.К.Арсеньева. Основную часть литературы составили труды по географии, этнографии, истории, археологии и биологии, принадлежащие перу известных исследователей. Это "Очерк Амурского края" Н.Боголюбского, "Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России" Г.И.Невальского, "Экспеди-

ция в Приамурский край" Н.К.Бошняка, "Северо-Уссурийский край" И.П.Надарова, "Древности Амурского края" Ф.Ф.Буссе, "Флора Маньчжурии" В.Л.Комарова и др.

Таким образом, круг чтения и читательские интересы В.К.Арсеньева, начавшие формироваться еще в детстве, повлияли на выбор им жизненного поприща и позднее, в зрелый период, уже обуславливались его интересами как ученого и писателя.

Т.Ф.Аристова, к.и.н.
Институт этнографии АН СССР
(Москва)

ИЗ АРХИВА Ф.Ф.АРИСТОВА

После публикации в "Известиях ВЦИКа" в 1926 г. отзыва профессора Московского университета Ф.Ф.Аристова на книгу выдающегося исследователя Дальнего Востока В.К.Арсеньева "В дебрях Уссурийского края" в Москве состоялось знакомство ученых, перешедшее впоследствии в дружбу.

С желанием и ведома В.К.Арсеньева Ф.Ф.Аристов стал его первым биографом. Его труд "Русские исследователи Азии" также включал и исследование о В.К.Арсеньеве. Эта монография (ныне, по-видимому, утраченная) была создана на основе первоисточников: "Воспоминаний" В.К.Арсеньева, его отчетов, обширной переписки с учеными, и также карт, схем и разного характера материалов, в свое время переданных Арсеньевым Аристову.

В архиве профессора Аристова частично сохранились материалы, документально свидетельствующие не только о малоизвестных сторонах жизни и деятельности В.К.Арсеньева на Дальнем Востоке, но и о его разностороннем, ярком таланте исследователя - само-

рода, внесшего огромный вклад в географию, орографию, историю, археологию, этнографию, ботанику, зоологию, геологию и т.д. Некоторые из этих материалов дают представление об исключительной взыскательности исследователя, продолжавшего редактировать свои уже опубликованные произведения.

Так, в архиве Ф.Ф.Аристова находится отчет Арсеньева (Записки Приамурского отдела ИРГО, 1912, т. VIII, вып. II, 36 с.) со следами авторской правки. На с. 1 читаем: "Из народов, населяющих Приамурье, были известны в России только тунгусы, гольды и гиляки, что же касается орочей, кекарей, тазов, ульчей, негидальцев, ламутов и т.п., то существование этих народностей было известно только этнографам и вообще людям, стоящим близко к науке; большая часть русской публики и не слыхала, что есть такие люди. Что же касается фауны, флоры, орографии, климата страны и т.д., то ими никто не интересовался, предоставляя разбираться в этих вопросах исключительно только одним специалистам".

Примечательно, что слово "кекарей" автор зачеркнул синим карандашом, а сверху черной тушью переправил на "удэгейцев".

На с. 12 и далее идет подробное описание экспедиции В.К. Арсеньева вверх по р. Тадушу¹ к хребту Сихотэ-Алинь. "Сколо водораздела, — пишет автор, — отряд остановился в фанзе Лудева; оставив здесь часть людей, Арсеньев пошел вверх по реке Вангоу (В.К. часто о себе писал в третьем лице. — Т.А.)². 21 июля он

¹ Тадушу — ныне р. Зеркальная.

² Вангоу — ныне р. Белокаменка.

достиг Сихотэ-Алиня, перешел его и, выйдя на р. Даланца¹, пошел по ней и через 2 дня дошел до р. Ното. Перевал через Сихотэ-Алинь был назван Забытым. Здесь на дереве была сделана записка, на которой вырезаны фамилии участников экспедиции, месяц, число и год посещения. От р. Ното Арсеньев повернул назад и, дойдя до Сихотэ-Алиня, пошел по самому хребту к югу, через 1¹/₂ дня нашел маленький ключ, по которому и спустился к р. Тадушу (выше устья р. Вангоу). 27 числа июля месяца отряд двинулся дальше в истоки р. Тадушу, перевалил через водораздел на верхний Лифудэин² и затем спустился по этой реке... Этот перевал назван именем Будилцева".

Данный абзац полностью перечеркнут, а на полях той же с. 12 сделана приписка рукой В.К.Арсеньева: "Неверно! В.К.Арсеньев пошел сначала на р. Фудэин³, потом на р. Ното, по р. Даланца поднялся до Сихотэ-Алиня и спустился по р. Вангоу на Тадушу".

Подобного рода уточнений В.К.Арсеньева немало даже в опубликованных работах, и в частности в вышеуказанном отчете (с. 1, 4-7, 12, 14-15, 17-18, 21-23, 25-26, 29, 31-36). Все это говорит о том, что изучение незаурядной жизни и высокопатриотической деятельности В.К.Арсеньева требует неослабного внимания исследователей. Здесь не может быть "второстепенных" деталей, здесь все важно и значительно.

¹ Даланца - ныне р. Течная.

² Лифудэин - ныне р. Рудная.

³ Фудэин - ныне р. Павловка.

С.И.Красноштанов, к.фил.н.
Хабаровский пединститут

НОВОЕ О В.К.АРСЕНЬЕВЕ И Т.М.БОРИСОВЕ

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) в личном фонде писателя К.М.Симонова хранятся материалы В.К.Арсеньева и Т.М.Борисова: письмо сестер М.Т. и А.Т. Борисовых К.М.Симонову; неоконченная рукопись Т.М.Борисова о В.К.Арсеньеве; "Воспоминания" В.К.Арсеньева и выдержки из его трудов; фотокопии письма А.Черепанова; фотокопия двух карт В.К.Арсеньева. Дочери Т.М.Борисова передали их известному советскому писателю в 1960 г. с просьбой опубликовать в одном из журналов.

Что представляют собой эти документы? Это машинописная рукопись, являющаяся перепечаткой фрагментарных, несистематизированных текстов, правленных В.К.Арсеньевым и в большинстве случаев подписанных им. Наличие правки и подписи подтверждают дочери Т.М.Борисова.

Сюда входят "Послужной список", "Перечень печатных трудов" В.К.Арсеньева и его "Воспоминания", на которые часто ссылаются биографы писателя.

Воспоминания В.К.Арсеньева о годах детства записаны, как нам представляется, Т.М.Борисовым. Материалы, освещающие отдельные моменты из жизни и деятельности Владимира Клавдиевича на Дальнем Востоке, также подготовлены, по нашему мнению, Борисовым. Это небольшие этапы, приуроченные к тому или иному году. Открываются они заметкой "Перевод по службе на Дальний Восток",

III

где идет речь о событиях 1900 г. Под 1900—1903 гг. помещены записи о тайфуне, Тихой бухте, охоте с П.Олентьевым в грозу за хребтом Богатая Грива, встрече с хункузами под Владивостоком. В кратких записях 1907—1913 гг. упоминаются имена людей, в которых сотрудничал В.К.Арсеньев. Самостоятельное место занимает рассказ, где использованы дневниковые записи путешественника о его плавании в 1922 г. в Гижигинскую губу, когда шхуна "Пенжина" была задержана атаманом Бочкаревым. Этот эпизод подробно пересказывают в своих публикациях биографы В.К.Арсеньева.

В особый раздел можно выделить письма В.К.Арсеньева, в том числе полный текст писем орочей, неизвестные письма пропраба Дальмеса Доброхотова и некоего Болдакова, частично опубликованные письма детей. Тут же находится письмо Алимпия Черепанова. Под 1927—1929 гг. перечисляются учреждения, в которых Владимир Клавдиевич читал лекции по этнографии и краеведению, говорится об экскурсиях в окрестностях Владивостока.

К 1927—1930 гг. относятся сведения о семье, родственниках Арсеньева, о его командировке в Японию, работе в Дальневосточном научно-исследовательском институте, наконец, о руководстве экспедициями НКПС. Заметки заканчиваются упоминанием о снаряжении в январе-марте 1930 г. последней экспедиции В.К.Арсеньева.

Обращают на себя внимание обширные выписки из его трудов: "Отчета о деятельности Владивостокского общества любителей охоты", "Краткого военно-географического и военно-статистического очерка Уссурийского края" и др., полностью приводится текст статьи С.А.Бутурина "Птицы Приморской области", напи-

санной по материалам В.К.Арсеньева 1906-1910 гг. Как уже упоминалось, к рукописи приложены фотокопии письма А.Т.Черепанова и двух небольших карт, вычерченных В.К.Арсеньевым в 1923 г. после экспедиции в северную часть Охотского моря.

Несомненный интерес представляет письмо сестер Борисовых, адресованное К.М.Симонову. В письме сообщается о семье и родственниках В.К.Арсеньева, дается содержательная характеристика личности и деятельности Т.М.Борисова, а главное - рассказывает о близких, сердечных отношениях этих двух незаурядных людей. По словам сестер Борисовых, спустя несколько лет после смерти В.К.Арсеньева их отец намеревался написать книгу о своем друге. Но это свидетельство, на наш взгляд, не исключает участия Трофима Михайловича в написании биографических заметок. Вряд ли В.К.Арсеньев сам писал о себе в третьем лице, как считает Т.Ф. Аристов. Складывается представление, что подготовленные Т.М. Борисовым биографические и научные материалы были отданы В.К. Арсеньеву на просмотр. Примечательно, что, ознакомившись с выписками из своих научных публикаций, В.К.Арсеньев завизировал и эти тексты. Последние записи Т.М.Борисова, сделанные в марте 1930 г., он не успел просмотреть, о чем есть пометка А.Т.Борисовой. Выходит, в 1936 г. М.Н.Арсеньева вернула Трофиму Михайловичу его же материалы.

Так неожиданно удалось осветить одну из замечательных страниц в истории культуры советского Дальнего Востока.

С.А.Пайчадзе, к. филол.н.
Хабаровский институт культуры

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ В.К.АРСЕНЬЕВА ЗА РУБЕЖОМ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции реакционные круги на Западе стремились противодействовать развитию культурных связей нашей страны со странами Европы. Тем не менее уже в 20-е годы становится очевидной тщетность попыток подобного рода. Широкие круги трудящихся испытывали закономерный и всевозрастающий интерес к работам советских авторов, и интерес этот стимулировал издание, перевод и распространение литературы о СССР за рубежом.

В 1924 г. в Берлине вышла из печати книга В.К.Арсеньева "В делях Восточной Сибири". Это издание представляло собой перевод его книг "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала". Издательство Августа Шерля выпустило труд В.К.Арсеньева в серии, посвященной путешествиям и географическим открытиям. Предисловие к книге по просьбе В.К.Арсеньева написал известный норвежский полярный исследователь Ф.Нансен.

Говоря об Арсеньеве как о выдающемся путешественнике и исследователе, Нансен вспоминал о своих встречах с ним в Хабаровске и выражал сожаление в связи с отсутствием переводов его сочинений на европейские языки.

Издана книга превосходно. Золотое тиснение на прочном цельнотканевом переплете, плотная белая бумага, четкий шрифт, отлично воспроизведенные фотографии и другие внешние и внут-

ренные элементы оформления создаст образ не обычного, а скорее подарочного издания.

Можно предположить, что автор дорожил этим изданием. На экземпляре экземпляра, хранящегося в Хабаровской краевой научной библиотеке, есть дарственная надпись: "В библиотеку Хабаровского краевого музея от автора. В.Арсеньев. 22.02.1925 г. Хабаровск".

Из объявления в первом томе видно, что издательство должно поддерживать контакты с дальневосточным ученым, рекламировало его работы. В 1925 г. вышел второй том книги "В дебрях Восточной Сибири". Если в первом томе было помещено 65 фотографий, то во втором их уже 95 и, кроме того, фотокопии карты путешествий и чертежи двух горных профилей (как и в первом томе). Перевод на немецкий язык осуществил Франц Даниэль.

Бесспорно, деловые связи В.К.Арсеньева с издательством А.Шерля заслуживают внимательного изучения. Как известно, книга Арсеньева "В дебрях Уссурийского края" вышла во Владивостоке двумя годами позднее - в 1926 г. Предисловие Ф.Нансена появилось в советских изданиях также после выхода книги В.К.Арсеньева на немецком языке.

И сегодня интересной задачей остается детальное исследование берлинского издания в сравнении с отечественными - в текстологическом и иных аспектах. Важны все детали, связанные с замыслом и осуществлением выпуска книг В.К.Арсеньева за рубежом.

На актуальность вопроса в известной мере указывает и публикация статьи автора тезисов в 1982 г. в ИДР в журнале "Маргиналии" (перевод на немецкий язык генерального директора Нацио-

нальной библиотеки ГДР профессора Фридрихльде Краузе). В этой связи отметим, что в ГДР начиная с 1950 г. регулярное переиздание произведений В.К.Арсеньева стало традицией. Особенно много для популяризации творчества нашего знаменитого земляка сделал переводчик Александр Бельк.

Выход в свет книг В.К.Арсеньева в Берлине в 1924-1925 гг. нельзя объяснить одной лишь любознательностью. Издания эти являются безусловным доказательством провала планов "духовной" изоляции СССР, отражают пробуждение интереса к успехам советской науки уже в первые годы после Великого Октября.

Т.З.Калашникова

Дальневосточное отделение ВААП

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ В.К.АРСЕНЬЕВА

Вот уже более полувека не угасает интерес к книгам В.К.Арсеньева у нас в стране и за рубежом. Их огромная, выражаясь современным языком, "научеомность" удачно сочетается с высокой художественностью.

Произведения В.К.Арсеньева по числу публикаций за рубежом занимают первое место среди книг дальневосточных авторов и далеко не последнее во всесоюзном масштабе. Только с 1945 по 1980 г. зарегистрировано свыше 60 зарубежных изданий его трудов.

География их весьма примечательна. В Европе это прежде всего социалистические страны, и в первую очередь ГДР.

"Познавательное значение, великолепный язык, богатая художественная образность книг Арсеньева, - пишет в своей книге

"По сердцу близкие друзья" И.Н.Дерман, - позволили использовать их в Германской Демократической Республике как хрестоматийный материал. Так, в специальной газете для изучающих русский язык "По свету" за июль-август 1962 года мы находим целую полосу, посвященную 90-летию со дня рождения В.К.Арсеньева?

Полюбились книги В.К.Арсеньева читателям и в Чехословакии, Венгрии, Болгарии.

Довольно широко издавались книги Арсеньева и в капиталистических странах. Так, в 1953 г. в Японии перевели "По Уссурийскому краю", а в 1957г.- "Встречи в тайге".

В 1965 г. перевод "В дебрях Уссурийского края" появился в книжных магазинах Нью-Йорка. Еженедельное книжное обозрение "Нью-Йорк таймс бук ревю" писало в те дни: "Тот, кто однажды прочитает эту книгу, никогда ее не забудет".

Выходили книги Арсеньева, особенно "Дерсу Узала", в Голландии (1958), Бельгии (1960), Италии (1977), Индии (1973). Во Франции в 1947 г. впервые была опубликована книга "В дебрях Уссурийской тайги", а в 1977 г. издательство "Пигмалион" заключило на Московской международной книжной ярмарке сразу два договора: на издание "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала". Тогда же издать "Дерсу Узала" пожелало испанское издательство "Трихальбо".

И хотя ныне по сравнению с первыми послевоенными годами количество зарубежных изданий книг В.К.Арсеньева несколько сократилось, интерес к его творчеству сохраняется. Причем не только переводятся и издаются его произведения, но и исследуются творчество, жизнь певца уссурийской тайги.

В.В.Бердакова

Хабаровская краевая научная
библиотека

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ В.К.АРСЕНЬЕВА В ХАБАРОВСКОЙ КРАЕВОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Перу В.К.Арсеньева принадлежит множество работ, часть которых неоднократно переиздавалась.

В Хабаровской краевой научной библиотеке хранятся первые издания произведений В.К.Арсеньева. Особый интерес представляют экземпляры с арсеньевскими автографами. Книжки эти выходили в разное время, и каждый раз Владимир Клавдиевич считал своим долгом пополнить библиотеку музея ("Николаевской публичной библиотеке Географического общества", — гласят дарственные надписи), которым руководил в 1910-1918 и 1924-1925 гг.

Арсеньев часто выступал с лекциями и докладами о своих путешествиях и исследованиях. О его выступлении на первом съезде врачей в Хабаровске (1913) — "Вымирание инородцев Амурского края" — напоминает оттиск текста доклада с характерным для Владимира Клавдиевича автографом. Хранится у нас и оттиск его сообщения "Этнологические проблемы на Востоке Сибири", опубликованного в 1916 г. в журнале "Вестник Азии".

В 1923 г. В.К.Арсеньев совершил поездку на Командорские острова и составил и вычертил их подробные карты с указанием лежбищ морских зверей. Тогда же он поставил вопрос о создании на Командорах "естественного питомника пушных зверей", добился охраны лежбищ. Оттиск его статьи "Командорские острова", опубли-

ликованной в 1925 г., и книга "Тихоокеанский морж" (1927) также были подарены им библиотеке.

Ряд своих трудов В.К.Арсеньев посвящал охотничьей фауне Дальнего Востока и промыслам аборигенов. Книги Арсеньева "Дорогой хищник" и "За соболями", появившиеся в 1925 г., также есть в нашей библиотеке. На одном из экземпляров — дарственная надпись автора.

Поистине бесценны экземпляры первых изданий "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала", вышедших в свет во Владивостоке в 1921 и 1923 гг.

В предисловии к книге "По Уссурийскому краю" Арсеньев писал: "Свои путешествия я закончил в 1910 г. Следующие три года мною были посвящены обработке собранных материалов... К 1917 году к печати были готовы три книги: 1) "По Уссурийскому краю", 2) "Дерсу Узала" и 3) "В горах Сихота-Алиня". Еще в черновом виде они ходили по рукам среди многих моих друзей и знакомых..."

В нашей библиотеке хранятся обе книги с дарственными надписями: "В знак искреннего к нему расположения автора" — заведующему Николаевским промысловым районом, сотруднику Дальрыбн, автору многих статей по рыболовству Дальнего Востока Павлу Андреевичу Русанову. Есть у нас и экземпляр первого издания книги "В дебрях Уссурийского края" (1926) с дарственной надписью автора от 8 марта 1926 г. Именно эту книгу В.К.Арсеньева М.М. Пришвин послал А.М.Горькому.

"Пользуюсь случаем выразить Вам мое удивление и восхищение Вашим трудом", — писал Арсеньеву Пришвин. Вскоре, в ответ на письмо Арсеньева, во Владивосток пришло письмо Горького: "Ис-

крепне поздравляю Вас..." Благодаря Горькому книги Арсеньева получили широкую известность.

Всего в фондах Хабаровской краевой научной библиотеки хранится 16 прижизненных изданий В.К.Арсеньева.

Т.И.Садохина, к.пед.н.
Хабаровский институт культуры

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В.К.АРСЕНЬЕВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

Жизнь и деятельность В.К.Арсеньева – талантливого исследователя и писателя советского Дальнего Востока давно уже привлекает внимание специалистов различного профиля. Не иссякает и в наши дни поток публикаций о нем.

Задачи библиографии трудов В.К.Арсеньева и литературы о нем – выявить и представить специалистам для дальнейшего изучения литературу о его жизни и деятельности, а также подготовить самостоятельное научно-вспомогательное пособие. База для осуществления такой работы есть.

Первые попытки в этом направлении были предприняты еще в начале 30-х годов. Здесь мы с благодарностью назовем имена З.Н.Матвеева, А.Л.Половинкина, А.И.Мельчина, Н.М.Рогая, Н.Е.Кабанова, М.К.Азадовского.

Обогащению библиографии литературы о жизни и деятельности В.К.Арсеньева в более поздний период способствовало появление работ А.И.Тарасовой, Ю.В.Маретина, Т.Ф.Аристовой.

Следует отметить, что самостоятельно развивается библиография В.К.Арсеньева как писателя.

В рекомендательной краеведческой библиографии жизнь и деятельность В.К.Арсеньева представлена памяткой "В.К.Арсеньев — выдающийся путешественник и исследователь Дальнего Востока. 1872-1930 (Хабаровск, 1955. Сост. Е.Ляхова). Был выпущен сборник библиографических и методических материалов "В.К.Арсеньев (Владивосток, 1972) в помощь массовым библиотекам. Текстовые справки о В.К.Арсеньеве и краткие списки литературы помещены в "Календаре знаменательных и памятных дат по Дальнему Востоку" (выпуски за 1960 и 1962 гг.).

Не преуменьшая значения проделанной работы, отметим, что состояние библиографии трудов В.К.Арсеньева и литературы о нем на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным. Без существенных сдвигов здесь невозможно во всем объеме показать вклад В.К.Арсеньева в науку и культуру советского Дальнего Востока, выявить его влияние на формирование научных и литературных традиций региона.

Чрезвычайно актуальна и задача популяризации творческого наследия ученого и писателя среди молодежи и школьников.

Уже в ближайшее время необходимо: подготовить и издать научно-вспомогательный указатель "В.К.Арсеньев. Указатель трудов и литературы о нем", поручив это зональному объединению научных и специальных библиотек Дальнего Востока под руководством Хабаровской краевой научной библиотеки; разработать рекомендательное пособие для школьников и молодежи силами Хабаровской краевой детской библиотеки.

Необходимые консультации и помощь библиотекаря могли бы получить на кафедре библиографии Хабаровского государственного института культуры.

Развитие и совершенствование библиографии трудов В.К.Арсеньева и литературы о нем, несомненно, будет положительно воспринято педагогами и специалистами самого разного профиля.

СОДЕРЖАНИЕ

В.С.Ш е в ч е н к о. Предисловие	3
Д.В.М а р е т и н. Ученый-патриот В.К.Арсеньев: основные проблемы изучения жизни и трудов	5
А.А.П о н о м а р е в а. В.К.Арсеньев - директор Хабаровского краеведческого музея	9
И.Н.К л и м е н к о. В.К.Арсеньев в Приморском крае- ведческом музее	12
Л.А.К о ж е в н и к о в а. В.К.Арсеньев и история экономического освоения Дальнего Востока	16
А.И.Т а р а с о в а. Документальное наследие В.К.Арсеньева	19

А р х е о л о г и я и и с т о р и я

В.И.Д ъ я к о в, О.В.Д ъ я к о в а. Археология в жизни и трудах В.К.Арсеньева	25
Н.А.К л ю е в. Вклад В.К.Арсеньева в развитие архео- логии в Приморье	28
Б.В.А н д р е е в а, И.С.Б у щ и х о в с к а я, Н.А.К о н о н е н к о. Некоторые аспекты изучения японской культуры железного века Приморья	30
Д.М.В а с и л ь е в. Могильник на протоке Быстрая	33
В.О.Ш у б и н. Исследование первого русского поселе- ния на острове Уруп (Курильские о-ва)	36
М.И.И щ е н к о. Основные задачи в изучении форми- рования постоянного русского населения Сахалина ...	39
Ю.В.А р г у д я е в а. Формирование сельского вос- точнославянского населения Приморского края (60-е годы XIX - начало XX в.)	42

Г.Ю.Т и т о в. Заслуги В.К.Арсеньева в топографическом изучении советского Дальнего Востока	45
В.П.С и с о е в. В.К.Арсеньев как охотовед	48
Т.З.М а т в е е в а. В.К.Арсеньев и З.Н.Матвеев	50
Н.А.Ж г и л е в а. В.К.Арсеньев и дальневосточные лесоводы	51

Э т н о г р а ф и я

А.Ф.С т а р ц е в. В.К.Арсеньев – исследователь удэгейцев (к вопросу о названиях и самоназвании народности)	55
А.М.П е в н о в. Отношение удэгейского к другим языкам	57
Е.М.Л о с а н. Каталогизация археологических и этнографических коллекций В.К.Арсеньева в Хабаровском краеведческом музее	60
Н.К.С т а р к о в а. Итальянцы: степень изученности и нерешенные проблемы их этнографии	63
А.И.К о с т а н о в. Из истории этнографических исследований на Сахалине во второй половине XIX в.	66
И.Л.М е р к у ш е в. Нивхские топонимы как историко-этнографический источник	69
Н.А.С о б о л е в с к а я. Фольклор народностей советского Дальнего Востока, собранный В.К.Арсеньевым	72
Н.Б.К и л е. Полевые этнографические записи В.К.Арсеньева	75
Г.А.О т а н и а. Итоги и задачи дальнейшего изучения фольклора малых народов советского Дальнего Востока	78
М.М.Х а с а н о в а. Об изучении негидальского языка и фольклора в СССР	80

Г.В.А л е к с е е в а. Вопросы изучения истории негидальцев в трудах советских исследователей	82
П.Я.Г о н т м а х е р, Н.А.С о л о м о н о в а.	
В.К.Арсеньев — исследователь художественной культуры народностей Приамурья и Приморья	84
Н.В.К о ч е ш к о в. Проблемы сохранения и развития этнических традиций в современном декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока	86

Л и т е р а т у р о в е д е н и е и к н и г о в е д е н и е

С.Ф.К р и в ш е н к о. А.М.Горький и проблемы развития советской литературы на Дальнем Востоке	91
Л.Я.И в а щ е н к о. А.М.Горький в творческой судьбе В.К.Арсеньева	94
О.В.М а р к о в а. Портрет В.К.Арсеньева в воспоминаниях современников	96
З.В.Я щ е н к о. Своеобразие стиля книг В.К.Арсеньева "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала"	99
Г.Д.С т р е л ь ц о в а. В.К.Арсеньев и детская литература	102
Е.Е.Ж е б р а к. В.К.Арсеньев как читатель	105
Т.Ф.А р и с т о в а. Из архива Ф.Ф.Аристова	107
С.И.К р а с н о ш т а н о в. Новое о В.К.Арсеньеве и Т.М.Борисове	110
С.А.П а й ч а д з е. Первое издание В.К.Арсеньева за рубежом	113
Т.З.К а л а ш н и к о в а. Зарубежные издания В.К.Арсеньева	115

В.В.Б е р д а к о в а. Прижизненные издания	
В.К.Арсеньева в Хабаровской краевой научной библиотеке	II7
Т.И.С а д о х и н а. Библиография трудов В.К.Арсеньева и литературы о нем	II9

